

П. И. ТРОЯНОВСКИЙ

ШТУРМ БЕРЛИНА



Л



П. И. ТРОЯНОВСКИЙ

ШТУРМ БЕРЛИНА

Записки военного корреспондента

Издательство «Детская литература»
Москва 1971

К читателям

9 МАЯ 1945 ГОДА
БЫЛА ОКОНЧАТЕЛЬНО СЛОМЛЕНА
ЧЕРНАЯ СИЛА НЕМЕЦКОГО ФАШИЗМА,
ГРОЗИВШЕГО НЕВОЛЕЙ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, —
ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ КАПИТУЛИРОВАЛА.
1418 ДНЕЙ, ПОЧТИ ЧЕТЫРЕ ГОДА,
СОВЕТСКАЯ СТРАНА
ВЕЛА СМЕРТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ
С ГРОЗНЫМ И КОВАРНЫМ ВРАГОМ,
ДОЛОГ И ТЯЖЕЛ БЫЛ ПУТЬ
К НАШЕЙ ПОБЕДЕ.
В 1944 ГОДУ СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА
ПЕРЕШЛИ ГРАНИЦУ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ,
НАЧАЛИ ГОТОВИТЬСЯ К ШТУРМУ БЕРЛИНА.
ЭТА КНИЖКА
И РАССКАЗЫВАЕТ О ШТУРМЕ БЕРЛИНА,
О ПОСЛЕДНИХ БОЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ,
КОТОРАЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ
БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИЕЙ
ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ.
ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ИЗДАНИЯ ЗАПИСОК ВЫШЛИ
ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ —
В 1945 И 1947 ГОДАХ,
СЕЙЧАС, В НОВОМ ИЗДАНИИ,
СДЕЛАНЫ УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ.
ЗАПИСКИ НЕ СТАВЯТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ
ПОЛНЫЙ И ВСЕСТОРОННИЙ ОБЗОР
БЕРЛИНСКОГО СРАЖЕНИЯ.
ВПРОЧЕМ, ЗАПИСКИ ЕСТЬ ЗАПИСКИ,
И МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ЧИТАТЕЛИ ЭТО ПОЙМУТ,
С ИНТЕРЕСОМ ПРОЧТАЯ КНИГУ,
ПОЛНУЮ НЕЗАБЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ
ТОГО ВРЕМЕНИ.

УДАР НА ОДЕРЕ

В одну из апрельских ночей 1945 года группа корреспондентов московских газет, работавшая в войсках Первого Белорусского фронта, предприняла поездку в дивизии, что стояли за рекой Одер.

Днем всех нас принял начальник штаба фронта генерал Михаил Сергеевич Калинин. Принял, видимо, скорее из вежливости и еще потому, что вместе с нами находились такие известные писатели, как Всеволод Вишневский, Всеволод Иванов, Василий Гроссман и Борис Горбатов. Ничего конкретного о подготовке последнего удара по Берлину генерал, естественно, сказать нам не имел права и ограничился общими словами. Всеволод Вишневский в заключение беседы сообщил, что корреспонденты решили съездить в Восьмую гвардейскую армию. Михаил Сергеевич попросил:

— Передавайте привет Василию Ивановичу Чуйкову.

Потом неожиданно задал вопрос:

— Когда вы намереваетесь ехать?

Кто-то из нас ответил:

— Сегодня ночью.

М. С. Калинин, видимо думая о чем-то своем, улыбнулся и сказал:

— Ночью так ночью, желаю успеха...

От Лансберга, небольшого города, где мы жили, до шоссе Варшава — Берлин добрались быстро. Но тут нас остановили регулировщики:

— Куда, товарищи?

— На Кюстрин и дальше.

— Придется подождать до утра.

Пока мы раздумывали, что делать, мимо на большой скорости, с грохотом и ревом, пошли танки. По силуэтам мы угадывали то знаменитые «Т-34», то тяжелые и грозные «ИС-2». Типе их двигались самоходные орудийные установки, один вид которых вызывал почтительное уважение. За сорок минут Всеволод Вишневский насчитал пятьдесят три машины. Земля гудела, воздух звенел. В горле першило от едких газов.

Я при свете луны разыскал на карте другое шоссе. Может, по нему проскочим?

Но и тут нас остановили регулировщики. По дороге в два ряда двигались артиллерийские подразделения. По разнообразию орудийных калибров можно было догадаться, что это идет за Одер одна из артиллерийских дивизий корпуса прорыва генерала Игнатова.



Поехали кружным путем, сделав большой крюк на север. Тщетно. Все дороги были забиты танками, самоходками, орудиями, минометами, саперными и транспортными машинами.

Было немного обидно, что мы из-за вынужденной остановки теряем время. Но одновременно каждый из нас испытывал чувство большой гордости. Какие сокрушительные силы накопила к концу войны наша Советская страна! Мы знали и видели, что когда-то страшный враг находится на краю пропасти. Война, начатая гитлеровской Германией, пришла на немецкую землю. Полки Красной Армии стояли в 60—80 километрах от Берлина — столицы фашистского государства.



Дорогу вперед прокладывала артиллерия.

— Помнишь улыбку Малинина? — спросил меня Всеволод Вишневский.

Как не помнить — кто-кто, а начальник штаба фронта, конечно же, знал, что делается на прифронтовых дорогах ночью!

И только в одиннадцатом часу дня мы вошли в просторный блиндаж командующего Восьмой гвардейской армией генерал-полковника В. И. Чуйкова. Он обнял Вишневского и Гроссмана, как родных.

Глядя на строгое, будто высеченное из камня, лицо генерала, я вспомнил другую встречу, в Польше, под городом Люблином. Командарм угостил тогда нас с Гроссманом чаем. Разговор зашел о недавнем прошлом — о боях в Сталинграде. Чуйков командовал в Сталинграде армией, Гроссман несколько раз приезжал к нему. Чуйков вспоминал:

— Архитрудно было на Волге. Временами казалось, что наши силы иссякли. Напряжение невероятное. Но зайдешь, бывало, к солдатам, и настроение улучшается. Однажды спрашиваю: «А что, товарищ генерал,

в Берлине придется побывать? Неужели не одолеем Гитлера?» От смерти три вершка или три минуты, а они о Берлине спрашивают! Вот народ! Я, признаться, тоже думал о Берлине... А теперь до него рукой подать. Вот только боюсь, как бы армию на другое направление не перебросили...

Я напомнил Василию Ивановичу о нашем разговоре под Люблином. Командарм ответил:

— Сейчас не только я, но и немцы знают, что защитники Сталинграда будут брать Берлин...

Тесно было нашим войскам тут, за Одером. На небольшом клочке земли,

отвоеванном у врага, занимали позиции четыре общевойсковые и две танковые армии.

Не было счета артиллерийским полкам и дивизионам. За каждым кустом прятался танк или укрывалась батарея. Целые полки расселились в окопах, траншеях и блиндажах. Над дорогами, тропами, мостами, ходами сообщений висели ярко-зеленые, цвета молодой листвы, маскировочные сети.

Было по-весеннему тепло. Собирая материал для очередной статьи, я должен был многое увидеть, поговорить со многими солдатами и офицерами, может, новыми будущими героями, и вдруг услышал сзади удивительно знакомый голос:

— Что это за люди тут расхаживают?

Передо мной, опираясь на палку, стоял майор Федор Петряков. Несколько дней назад я навел его в госпитале, куда он был доставлен после ранения в ногу.

— Сбежал?

— Сбежал! — улыбнулся Петряков. — Вернее, не сбежал, а взят на поправку в родной дивизион своими солдатами и офицерами.

— А это? — показываю ему на раненую ногу. — Бои ведь предстоят нелегкие.

— Самое трудное позади, — ответил майор. — Что же касается раны, то разве это рана? Вот под Москвой, а потом в Белоруссии был на волоске от смерти... А сейчас — паралич... — И сразу, без перехода, кивнул головой в сторону леса: — Видали, какая сила приготовлена?



После бомбового удара советской авиации.

...Мне вспомнилось осеннее Подмосковье 1941 года. В октябре я по корреспондентским делам ехал в Тулу. Недалеко от Серпухова нашу машину остановил военный, одетый в овчинный полушубок.

Шофер спросил:

— Тебе куда, дорогой?

— Никуда. Ты мне вот помоги папироску скрутить.

Познакомились. Военный назвал себя старшиной Федором Петряковым и оказался одним из нас земляком, волжанином. Был он высок и в разговоре, как все волжане, окал. Ранен в руку. Перед войной Петряков закончил школу, работал на заводе в Саратове, а потом был послан по партийной мобилизации в деревню. Оттуда его призвали в армию. Служил на границе. Гитлеровцев встретил в Бресте.

— Из госпиталя?

— Будто бы так, — загадочно ответил старшина и подал мне какую-то бумагу.

Я прочел ее. Комиссар оборонительного района писал в артиллерийский полк, что раненный в руку старшина Федор Степанович Петряков добровольно ушел из госпиталя на строительство укреплений, где показал себя квалифицированным сапером и авторитетным командиром.

— Иду, вижу: работают девушки и женщины, — рассказывал Петряков. — Копать землю не умеют, на руках — кровавые мозоли. Некоторые чуть не плачут. Дай, думаю, помогу женщинам. И помог. Самому тоже было не очень-то легко. Но ведь — мужик! Выдержал. Рука болела, конечно, но скажите, кто в эти дни не чувствовал какую-нибудь боль?



Еще один населенный пункт очищен от врага.

Петряков интересовался положением на фронте, и я рассказал ему все, что знал.

— Обойдется, — как-то очень спокойно сказал Петряков. — Думаю — обойдется, выстоим...

Мы обменялись адресами, и я старался не терять с Петряковым связи. Он окончил краткосрочные курсы, стал офицером, командовал огненным взводом, батареей, а недавно принял артиллерийский дивизион.

Поговорив сейчас о том о сем, я спросил:

— Какие вести из дома?

Майор ответил не сразу. Затяжно и жадно курил, кашлял.

— Еще один брат... Четвертый... Не на фронте, а в Саратове. Чахотка...

И после паузы:

— Трое сирот осталось. Написал жене, чтобы к нам взяла. Мать-то их еще раньше брата умерла... Нью мою председателем колхоза поставили. Вот ей трудно: в деревне одни женщины да старики. А дома на руках свой парень и двое старшего брата. Сейчас еще трое прибавятся... Эх, и зол я на этих фашистов! Какой тут госпиталь!

Здесь, на передовых позициях, все было готово к большому и решающему наступлению, может быть последнему наступлению советских войск. Уже несколько месяцев фронт, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, копил и распределял силы, вел разведку.

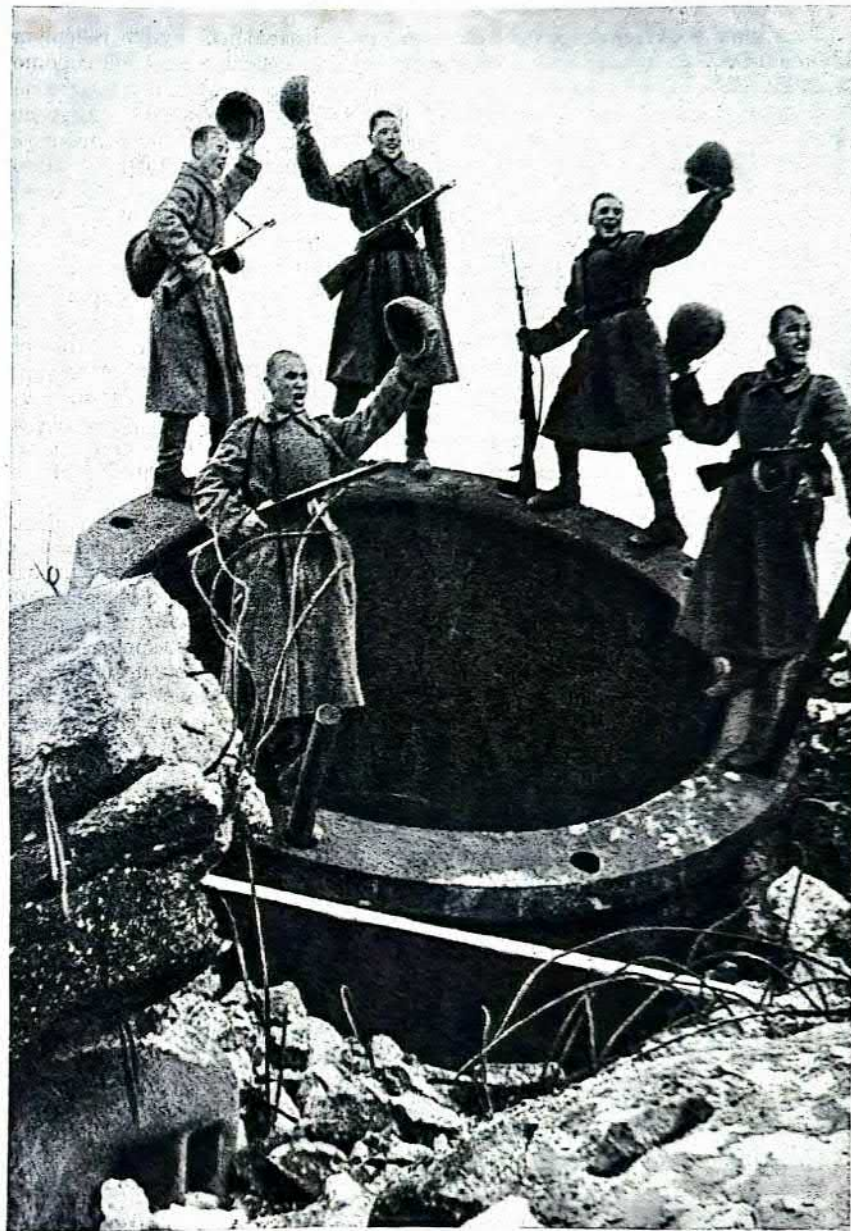
Через несколько дней поздно ночью я услышал в дивизионе Петрякова обращение Военного Совета Первого Белорусского фронта, подписанное маршалом Г. К. Жуковым и генералом К. Ф. Телегиным:

— «Боевые друзья! Товарищ Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин и водрузить над ней Знамя Победы. Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него.

Я призываю вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью, честью и славой».



Танковое кольцо вокруг Берлина.



Чтобы взорвать этот дот, бойцы подложили свыше 60 пудов тола и несколько десятков снарядов.

Услышав обращение, я поспешил на наблюдательный пункт генерала Чуйкова. Он был оборудован в сосновом лесу на высоте, с которой хорошо просматривалась вся местность предстоящего сражения. Над наблюдательным пунктом была натянута маскировочная сеть. За несколько минут до начала артиллерийской подготовки сюда прибыли командующий фронтом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, член Военного Совета фронта Константин Федорович Телегин и другие. Думаю, что каждый из них в эти минуты волновался. Хотя внешне все выглядели так, как вчера и позавчера. Жуков время от времени смотрел на часы.

Стоял предутренный туман. Было удивительно тихо.

Ровно в три часа по местному времени рывкнули пушки. 22 тысячи орудий и минометов разных калибров открыли ураганный огонь по гитлеровским укреплениям, и первые залпы этой артиллерийской армады потрясли землю и воздух. Ничего подобного до сих пор человечество и мир не видели и не знали. Тысячи молний разрезали предраассветную мглу и неистовствовали в небе, над землей, на земле. Все вокруг дрожало, бушевал ветер, гром канонады был слышен на десятки километров. Чтобы понять друг друга, люди кричали изо всех сил. Над немецкими позициями все выше и выше поднималось зарево пожара.

Били залпами огромные осадные орудия. Тяжелые снаряды летели на многие десятки километров в немецкий тыл и сокрушали бетонные укрепления врага, поднимали на воздух доты, противотанковые надолбы, разрушали офицерские блиндажи, накрывали фашистские артиллерийские батареи. Надрывно ухали полки гаубиц. Соревновались в быстроте стрельбы легкие длинноствольные пушки. Отрывисто и глухо били мощные минометы. Часто сквозь гром артиллерии слышались характерные и продолжительные залпы знаменитых советских «катюш». Небо озарялось цветными траассами — это реактивные мины набирали высоту. Потом они скрывались во мгле и вскоре с той, немецкой, стороны доносились разрывы. С частотой пулеметных выстрелов рвались страшные мины, казалось, до самых звезд поднимались отблески огня.

Потом я узнал, что 16 апреля 1945 года артиллерия фронта произвела 1 миллион 236 тысяч выстрелов. 2450 вагонов снарядов, или почти 98 тысяч тонн металла, обрушилось на голову врага.

На участке прорыва фронта вспыхнул вдруг невиданный доселе и непонятный врагу источник света, столь сильный, словно десятки солнц слились воедино и устремили свои лучи в одну точку. Это по сигналу зажглись одновременно 140 прожекторов, осветив более 100 миллиардами свечей поле боя. Как на ладони стали видны немецкие окопы, мосты, блиндажи, противотанковые рвы, проволочные заграждения, ставшие мишенью для наших танков и пехоты.

Гудело небо. Высоко-высоко шли тяжело нагруженные бомбардировщики, ниже их плыли штурмовики. Вихрем носились краснозвездные истребители. В течение первых суток сражения советская авиация сделала свыше 6550 самолетов-вылетов.

Днем начальник штаба фронта генерал Малинин по поручению Военного Совета пригласил журналистов на пресс-конференцию.

— Как вы уже знаете, — сказал он, — сегодня Первый Белорусский



В воздухе советские штурмовики.

фронт начал операцию, которая должна закончиться сокрушением Германии и взятием Берлина... Перед нами поставлена трудная задача. От Одера до фашистской столицы враг создал сплошную систему оборонительных сооружений. Она состоит из ряда непрерывных рубежей, в каждом по несколько линий окопов. Главная оборонительная полоса имеет пять сплошных траншей. Хорошо использованы естественные рубежи: озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты на пути к Берлину приспособлены к круговой обороне. На непосредственных подступах к городу создано три рубежа обороны: внешняя заградительная зона, внешний обвод и внутренний оборонительный обвод... По оценке нашей разведки фронту только в первой линии противостоит более полумиллиона гитлеровских войск. Враг имеет большое количество танков и самоходных орудий, в его распоряжении до 1500 боевых самолетов. Есть сведения, что в бой брошены офицерские школы, ударные отряды моряков. Вся зенитная артиллерия берлинской зоны ПВО повернута против наших танков... Перехвачен приказ фашистского командования, где артиллеристам и танкистам предложено бить по тем подразделениям немецкой армии, которые будут бросать свои позиции. Сейчас войска фронта достигли Зееловских высот. Вместе с нами сегодня перешел в наступление Первый Украинский фронт, которым командует Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

ЭХО В БЕРЛИНЕ

Стояла весна, но в немецкой столице — Берлине мало что напоминало это удивительно хорошее время года. Дым пожаров окутал город, по улицам носился пепел, и даже деревья с только что распустившимися листочками были похожи на старые пыльные театральные декорации.

Последний налет англо-американской авиации на Берлин был особенно сильным. Продолжали гореть дома в центре, полыхали пожары на окраинах. Пожарные команды и воинские части выбились из сил. В больницы и госпитали прибывали все новые и новые раненные.

Оставшиеся без крова жители уныло бродили по улицам. У зенитных орудий прямо на траве спали уставшие за ночь солдаты.

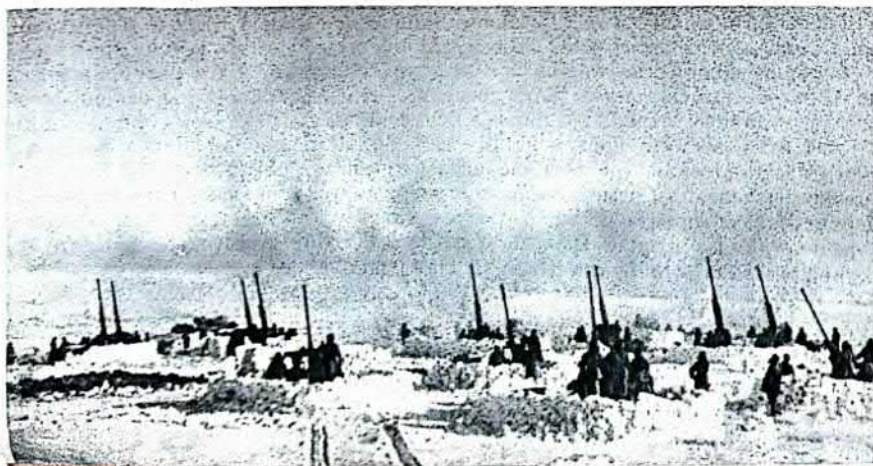
В одном из самых вместительных городских бомбоубежищ состоялось собрание активистов национал-социалистской партии города. С докладом о перспективах войны выступил генерал-фельдмаршал Кейтель. Он говорил о вновь созданных и обученных танковых, пехотных и авиаполевых дивизиях, об успешной вербовке добровольцев в части фольксштурма¹, о продолжающейся работе немецких ученых и конструкторов над созданием нового оружия. Кейтель сказал, что главное внимание всей Германии должно быть приковано к самому опасному и сильному противнику — Советскому Союзу.

— Несмотря на большие территориальные потери на Западе, — говорил он, — мы там и впредь будем придерживаться осторожной, гибкой тактики. В конечном счете ни американцы, ни англичане не представляют для нас такой опасности, как большевики. С Западом мы всегда можем договориться, а вот с Россией у нас никаких разговоров быть не может... Восточный фронт, как и раньше, решает судьбу войны...

Гитлеровские главари скрывали истинное положение на фронте.

¹ Фольксштурм — ополчение.

Тысячи зенитных орудий блокировали небо вокруг окруженной немецкой группировки, рвавшейся в 1942 году к Волге.



Глава гитлеровского пропагандистского ведомства Геббельс пригласил к себе в канцелярию уличных и домашних гадалок.

Он сказал гадалкам:

— Вам многие верят. Вы должны в эти критические для империи дни помочь нам. Вы должны каждому клиенту внушать, что скоро произойдет чудо. Дух Фридриха Великого, воплощенный в Гитлере, спасет Германию. Чудо спасет немцев и даст Германии силы сокрушить своих врагов.

К вечеру у станций метрополитена и общественных бомбоубежищ начали собираться женщины с детьми, старики, старухи. К зенитным батареям подвозились снаряды, солдаты противовоздушной обороны надевали каски, вооружались топорами и щипцами для сбрасывания зажигательных бомб.

Берлин ждал налета авиации, но тревоги, к всеобщему удивлению, не последовало. Сирены молчали и в десять часов вечера, и в двенадцать, и в час. В последнее время немецкая столица редко засыпала спокойно, но уж если выдавались ночи без бомбежек, город спал очень крепко.

Ночь была темной, прохладной.

И вдруг перед рассветом Берлин вздрогнул. Многие жители уверяли, что они отчетливо ощутили толчок, похожий на землетрясение. Потом Берлин услышал далекий непонятный гул. Толчки повторялись. Бывалые люди клали ложки в стаканы и с ужасом прислушивались к тихому дребезжанию. Заметно колебались люстры.

Через несколько минут встревоженная немецкая столица была уже на ногах. Без конца трещали звонки в полицейских участках, ни на минуту не освобождался телефон обсерватории.

— Что такое?

— Что случилось?

— Объясните, что делается?

Полицейские и ученые мужи в обсерватории сами не знали, что случилось. А далекое гудение все продолжалось. Тревога в Берлине росла.

Противотанковые укрепления
на подступах к Берлину.

Май 1945 года. На берлинском аэродроме.





Артиллеристы готовятся к штурму.

В 3 часа 10 минут командир одной немецкой дивизии, стоявшей западнее города Кюстрина, сообщил по радио в штаб 9-й немецкой армии, оборонявшей Берлин:

— По нас открыт адский огонь. Связь с полками потеряна. В нескольких местах непонятный мощный свет. Миллиарды свечей. Что такое — не определили. Может быть, новый вид оружия...

Тревожные радиogramмы неслись в Берлин из всех корпусов и дивизий, расположенных на реке Одер.

В 8 утра командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг радировал:

«Веду бой с превосходящими силами противника. Левый фланг корпуса оголен, так как дивизия «Берлин» 101-го армейского корпуса разбита. Если не будет закрыта брешь, дивизии грозит окружение...»

В 9 часов утра в бункере имперской канцелярии Гитлер принял генерал-фельдмаршала Кейтеля и генерала Иодля. Фюрер был бледен, глаза воспалены. Поднятая в приветствии правая рука дрожала больше обычного.

— Что, они начали? Безумцы... Идут к своей гибели.

— Мой фюрер, положение более серьезное, чем может показаться, — начал доклад Кейтель.

Гитлер слушал рассеянно. Потом начал говорить. Все громче, громче, голос повышался до истерического крика. Он ругал большевиков, проклинал американцев и англичан, потом обрушил свой гнев на немцев и немецких генералов:

— Бездарные служаки! У них вместо ума прусская муштра... Столько лет учились у меня и ничему не научились! Что я могу сделать один? — Обессиленный от злобы, присел в кресло и спросил: — Какие части можно снять с Запада?

Через несколько минут Иодль писал приказ-воззвание под диктовку Гитлера и Кейтеля:

«Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким...»

Тут же было отдано несколько распоряжений. С Балтики затребованы отряды моряков. Армии, сражающиеся против англичан и американцев, получили приказ оставить позиции и идти к Берлину. В столицу был вызван рейхсмаршал Герман Геринг.

— Пусть мобилизует всю свою авиацию. Мне надоело видеть над Берлином чужие самолеты. Еще не хватало, чтобы над столицей появились самолеты большевиков...

Кейтель хотел было напомнить фюреру, что советские самолеты бомбят Берлин с самого 1941 года, но побоялся гнева Гитлера и промолчал.

— Русские у стен Берлина должны быть разбиты и будут разбиты! — выкрикнул Гитлер.

И было непонятно, кому он это сказал — себе или Кейтелю и Иодлю. Во всяком случае, генералы поспешили удалиться, ничего ему не ответив.

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

У Зееловских высот наши войска остановились, не сумев преодолеть фашистские укрепления.

Я только что вернулся из частей Восьмой гвардейской армии, которая штурмовала этот район. Пехота, артиллерия, танковые полки несли большие потери. Шквальный огонь врага не дает сделать и одного шага вперед. Что же случилось? Ответ на этот вопрос дал начальник штаба фронта генерал М. С. Калинин:

— Верно, у Зееловских высот, являющихся как бы ключом к Берлину, произошла заминка. Тут у врага оказалось много преимуществ перед нами. Высоты, как вы должны были заметить, господствуют над всей местностью и имеют очень крутые скаты. Их трудно преодолеть пехоте и танкам. Перед скатами тянется противотанковый ров глубиной до трех метров и шириной до трех с половиной метров. Всюду сплошные минные поля... На высотах сосредоточены основные фашистские силы. Особенно много артиллерии. Генерал Чуйков докладывает, что в иных местах у врага стоит до двухсот

орудий на километр фронта. — Малинин взглянул на часы и добавил: — И все-таки враг будет разбит... Уже приняты меры...

Чтобы сокрушить немецкую оборону на Зееловских высотах, маршал Г. К. Жуков, как мы потом узнали, ввел в сражение танковые армии М. Е. Катукова и С. И. Богданова. Приняло свои меры и Верховное Командование. Первому Украинскому фронту был отдан приказ двинуться на Берлин с юга третьей и четвертой гвардейские танковые армии.

Вечером в этот день я добрался до командного пункта командира гвардейского стрелкового полка майора П. Н. Казакова. Было еще светло, и в стереотрубу хорошо обозревались дымящиеся Зееловские высоты. Перед майором на столе оперативные карты. За столом — танкист подполковник Утехин, артиллеристы майоры Петряков, Глазков и Воронин. Все небриты, осунулись. Казаков еще и еще раз уточняет на карте боевые задачи на ночь и на утро. Вся артиллерия, приданная полку, становится на прямую наводку. Бить по блиндажам и укреплениям врага только с близкого расстояния. Пехота садится на броню тяжелых танков. Всеми действиями войск в атаке руководят сами старшие начальники.

— Ясно? — спрашивает майор Казаков.

В блиндаж вошел генерал Чуйков. На нем полевая форма. Руки забинтованы, как всегда бываю забинтованы в последнее время, когда он нервничает, мало спит. Старая болезнь вспыхивает мгновенно. Его тут не ждали, он никого не предупреждал. Но никто и не удивлен. В армии привыкли видеть командующего на передовых позициях.

— Доложите обстановку и решение на ближайшие часы, — говорит Чуйков командиру полка. Слушает внимательно, не перебивает. Потом спрашивает: — Сколько у тебя танков?

— Двадцать семь, — отвечает Казаков.

— К утру придет еще один полк тяжелых танков из наших армейских резервов. Через полчаса здесь будет командир. Даем тебе гвардейский минометный полк. Фронт передает в твое распоряжение бригаду артиллерии особой мощности.

Казаков немного удивлен таким вниманием к его полку.

Чуйков замечает это и говорит:

— На твоем участке введем в прорыв танковый корпус.

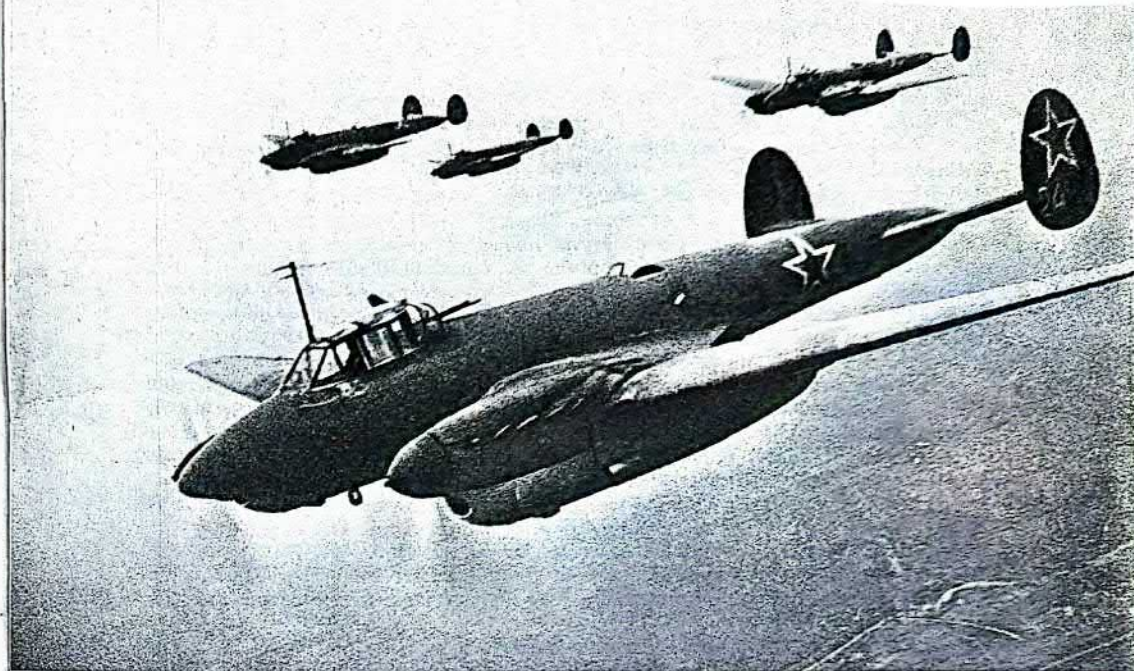
Командующий армией оставляет у Казакова своих помощников, а сам спешит в другую часть.

Штаб майора Казакова вместе с армейскими и дивизионными офицерами заново планирует огонь, уточняет время начала атаки, сигналы взаимодействия. В полночь прибывают представители авиации. Они сообщают, что на аэродромах готовы для удара по Зееловским высотам эскадрилья бомбардировщиков.

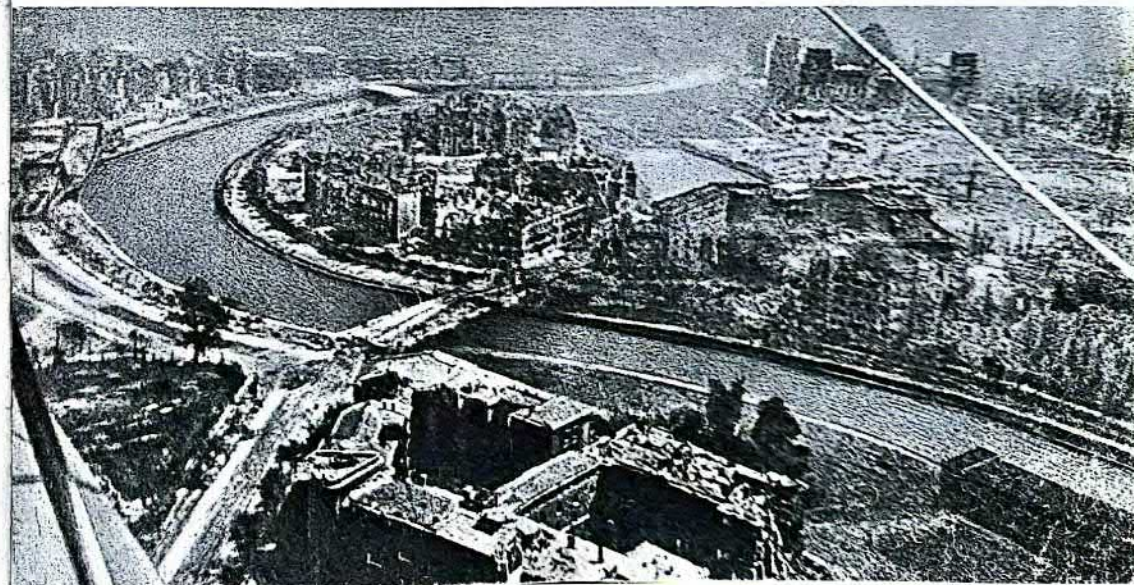
Выбрав минуту, Казаков подходит к Петрякову.

— Федя, — говорит ему дружеским тоном. — Очень прошу — ни на шаг не отставай от пехоты. Сил у нас много, но ты нас понимаешь лучше, ты свой.

Утром 17 апреля все пришло в движение. И уже ни сильный огонь противника, ни его частые контратаки не могли притушить нового прорыва советских войск.



Над Берлином советские пикирующие бомбардировщики.



Вскоре через боевые порядки пехоты прошел танковый корпус. На какое-то время оборона врага была дезорганизована. Полк майора Казакова хорошо использовал выгодную ситуацию и одним из первых ворвался в город Зеелов.

И вдруг из-под развалин домов, из-под груды бетона и кирпича показались фашистские танки «тигры». Засада!

Ряды пехоты невольно отпрянули назад. И лечь бы тут, наверное, на-мертво доброй половине полка, если бы не артиллерийский дивизион майора Петрякова.

Федор Степанович мгновенно развернул свои орудия и не по-военному, а скорее как отец сыновьям, крикнул расчетам:

— А ну, ребята, бронебойными — огонь!

Большое дело для солдат, когда в опасности рядом уважаемый и любимый начальник, когда он спокоен, хотя смерть может быть совсем рядом. Окуталась дымом батарея Решетникова. Залпом ударили орудия старшего лейтенанта Егорова. Четыре снаряда послали в ближайшую вражескую машину расчеты лейтенанта Исаева. Враг зло отстреливается, пробует маневрировать, укрыться за развалины домов. Но меток огонь советских артиллеристов. Горит один танк, второй, третий...

Майор Петряков зорко следит за боем, команды его четки, спокойны. Вот он видит в бинокль, как на площадь, что правее, въезжают три бронетранспортера противника. В них наверняка гитлеровские автоматчики.

Следует приказ капитану Решетникову:

— Накрыть огнем площадь! Уничтожить бронетранспортеры!

Бои шли на подступах к городу,



Петряков не думал, видимо, сейчас о погибших братьях, не вспоминал друзей, которые не дошли с ним до Германии. Такие думы и воспоминания в эти минуты были спрятаны где-то глубоко в сердце.

Но он хотел, очень хотел побить врага, сжечь все танки, все бронетранспортеры, уничтожить всех фашистских автоматчиков, стоявших сейчас у него на пути...

Мы с майором Казаковым догнали дивизион Петрякова уже за Зееловом.

Артиллеристы выбрали под наблюдательный пункт небольшую высотку. Была пауза между боями, та пауза, измерить которую по времени никто не мог. Она могла длиться минуты, но могла растянуться и на часы. Петряков лежал на спине и смотрел в безоблачное вечернее небо.

— Как дела, Федор Степанович? — спросил Казаков.

— Как у всех, наверное, товарищ майор, — вздохнул Петряков. — Трех похоронили, семерых отправили в госпиталь... Остальные малость подустали, малость спать хотят... А вообще — хоть сию минуту в Берлин!

— Генерал Чуйков просил поздравить тебя с орденом Красного Знамени. За Зеелов — понял?

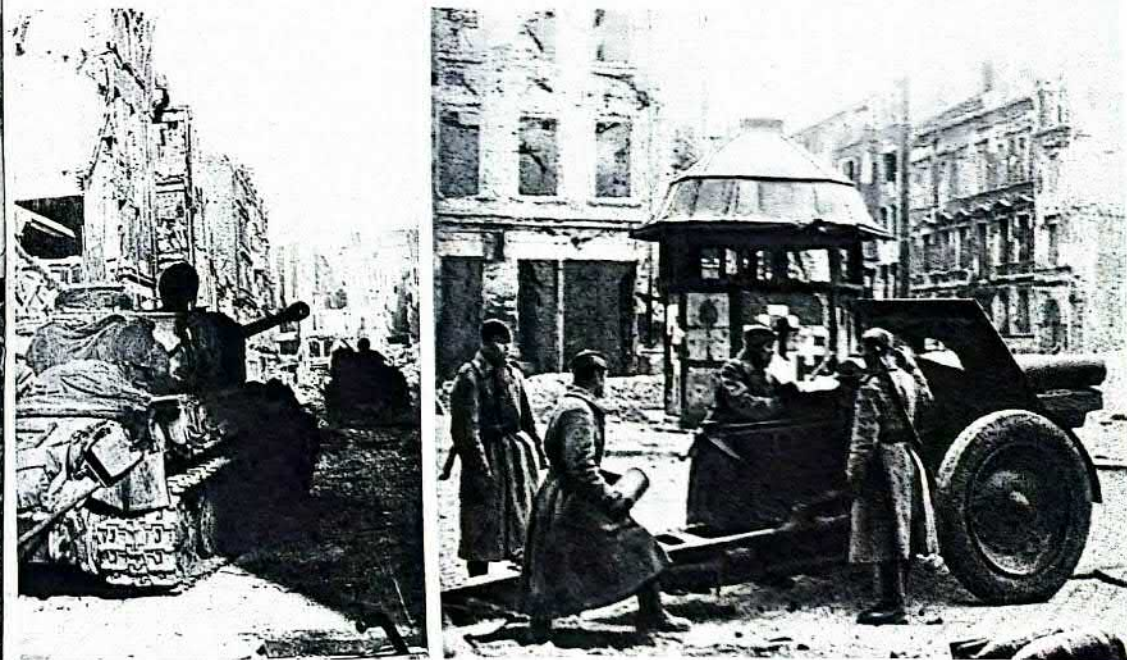
Петряков вскочил, скороговоркой выпалил официальные слова благодарности, потом спросил:

— А еще кого в дивизионе можно поздравить?

— Позднее поздравим, когда приказ придет.

Впереди, справа и слева, насколько видел глаз, все было в дыму. Кажется, что горит сама земля Германии. Огонь войны неудержимо катился к Берлину.

а потом и на улицах фашистской столицы.



В ШТАБЕ ПЕРВОГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

В исторические дни берлинского сражения штаб Первого Белорусского фронта стоял на окраине небольшого немецкого города. Отделы и управления его занимали несколько тихих зеленых улиц между озером и густым сосновым парком.

Сотни телеграфных и телефонных проводов под землей и над землей шли с разных сторон к этому до сих пор малоизвестному и ничем не примечательному городку.

Сотни машин днем и ночью спешили в штаб и мчались по дорогам от него. На искусно замаскированном штабном аэродроме непрерывно гудели моторы самолетов.

Тут рождались планы боев и операций. Сюда поступали приказы и указания Верховного Главнокомандования, и штаб фронта воплощал их в жизнь.

За несколько дней до начала последнего наступления войск фронта в штаб были вызваны все командующие и начальники штабов, члены военных советов и начальники артиллерии армий, командиры отдельных корпусов. Приехали бывалые люди, прославленные военачальники, чьи имена были известны всей стране. Маршал Г. К. Жуков ознакомил руководящий состав фронта с последними директивами Ставки Верховного Главнокомандования и задачами соединений. Потом на огромном макете Берлина, искусно сделанном военными инженерами, состоялась командная игра. Советские военачальники как бы наметили ход будущего сражения, мысленно проследив движение войск по улицам и площадям немецкой столицы.

Совещание продолжалось два дня.

Но и после него штаб фронта продолжал отшлифовывать детали плана берлинской операции, уточнять данные о группировке противника.

В эти дни офицеры и генералы штаба не знали отдыха. Оперативное управление пристально и ревностно следило за перегруппировкой и сосредоточением в нужных местах войск. Шутка сказать — надо было распорядиться 68 стрелковыми дивизиями, 3155 танками и самоходными орудиями, более чем двумя десятками тысяч орудий и минометов! Ночами не спали генерал Бойков и его заместитель полковник Казаков. Сутками сидели разведчики над картами, аэрофотоснимками, трофейными документами, показаниями пленных. Наша авиация произвела шесть раз съемку Берлина, подступов к нему и оборонительных полос. Нельзя было опустить ни одной детали этих снимков. Генерал Трусов, полковники Лаврищук, Смыслов, подполковник Шахов, майор Симонян осунулись за эти дни. Неугомимый и всегда бодрый капитан Безыменский составил десятки справок и ответил на сотни вопросов, касающихся характеристики немецких дивизий.

Штаб артиллерии готовил небывалую в истории войн артиллерийскую подготовку наступления. Над тысячами цифр и расчетов сидели днями и ночами генерал Надысев и полковник Левит со своими помощниками.

Генералы Телегин и Галаджев руководили политической работой в войсках.

Тыл двигал к местам сосредоточения войск эшелоны с техникой, боеприпасами, продовольствием, строил дороги и мосты, развертывал новые госпитали.

Множество больших и малых дел надо было сделать перед началом наступления, предусмотреть возможные неожиданности.

Штаб этот был создан и воспитан Константином Константиновичем Рокоссовским. Смелость в решениях, инициатива, воинская аккуратность и дисциплина в работе, высокая эрудиция офицеров и генералов, авторитет в войсках — все это было замечательным наследством замечательного полководца. Маршал Г. К. Жуков, вступив осенью 1944 года в командование фронтом, не раз мысленно благодарил Рокоссовского за такой творческий штабной коллектив.

Не первый раз он готовил операцию большого масштаба. В свое время он (тогда штаб Донского фронта) руководил разгромом окруженных немецких войск под Сталинградом. Позднее, в 1943 году, штаб фронта (тогда Центрального) готовил отпор врагу под Курском, а потом планировал и руково-

На командном пункте маршала Г. К. Жукова.





дид знаменитым прорывом своих войск к Днепру. Этот же штаб планировал, готовил и проводил прорыв фашистской обороны за Днепром, окружение немцев под Вобруйском, рывок к Минску, Бугу, бросок к Люблину и Праге, Варшаве. Наконец, он руководил варшавской операцией, освобождением Лодзи и Познани, сокрушением вражеского фронта в Восточной Померании



Огненный след «катюш».

и выходом советских войск к Балтийскому морю и Одеру. Теперь наступил момент нанесения удара по Берлину — столице фашистской Германии.

Видимо, не был случайным и сам факт того, что во главе войск фронта стоял один из лучших и талантливых советских полководцев Г. К. Жуков. Он был заместителем Верховного Главнокомандующего. Но это не главное. Г. К. Жуков в тяжелые дни осени 1941 года был поставлен партией и правительством командующим Западным фронтом, войска которого защищали Москву. То были чрезвычайно тяжелые дни. Но Москва выстояла.

И вот маршал, под чьим руководством были разбиты немецко-фашистские войска у стен Москвы, вел сейчас полки Красной Армии на штурм Берлина!

Никто в штабе фронта не чувствовал усталости. Вернее, не замечал ее. Каждый понимал особую важность выполняемой работы и гордился ею. С началом наступления офицеры штаба нередко отрывались от сводок, шифровок, докладов, карт и ехали или летели с приказами и распоряжениями командования в

войска, часто под пули и снаряды врага. Был такой случай. Воздушная разведка заметила между городами Зеелов и Мюнхенберг движение большой колонны танков. Командование потребовало от разведчиков как можно скорее узнать, куда следуют танки и сколько их. Работник штаба майор Р. Г. Симонян был посажен на самолет «ПО-2». Самолет с советским



Советские бойцы слушают приказ Военного Совета о последних решающих боях по штурму Берлина.

разведчиком на борту перелетел на малой высоте линию фронта. Это была неслыханная дерзость. В небе носились сотни самолетов новейших марок, и вдруг днем в воздухе над вражескими позициями появился «кукурузник»! Пулеметы, пушки, автоматы встретили храбрый советский самолет бешеным огнем.казалось, что «ПО-2» вот-вот вспыхнет или развалится, но он шел, то прижимаясь к верхушкам деревьев, то ныряя в долины. Вот и шоссе. Танки. Немцы и тут открыли по самолету огонь. Летчик удачно маневрировал, давая возможность Симонию считать танки и определять их марки.

— Можно возвращаться, — сказал майор летчику.

Самолет сделал разворот и снова попал в зону сильного зенитного огня.

Через некоторое время, взглянув на летчика, майор Симонян увидел, что тот держится за правое плечо. Из-под пальцев по гимнастерке быстро растеклось темное пятно. «Ранен», — мелькнула мысль. Стараясь перекрыть шум мотора, майор крикнул ему:

— Крепись, важные сведения везем!

Летчик дотянул самолет до расположения наших войск. Здесь силы его покинули. «ПО-2» упал на вспаханное снарядами поле.

Задание было выполнено. Майор Симонян сумел быстро добраться до первого советского штаба и передать результаты разведки. Летчика отправили в госпиталь. Крупные силы нашей авиации немедленно направились бомбить вражескую танковую колонну.

Родина дала фронту огромные силы и средства для сокрушения врага. И штаб, чтобы правильно их использовать, должен каждую минуту знать обстановку и поведение противника. Поэтому тут нет мелочей, все имеет государственное значение.

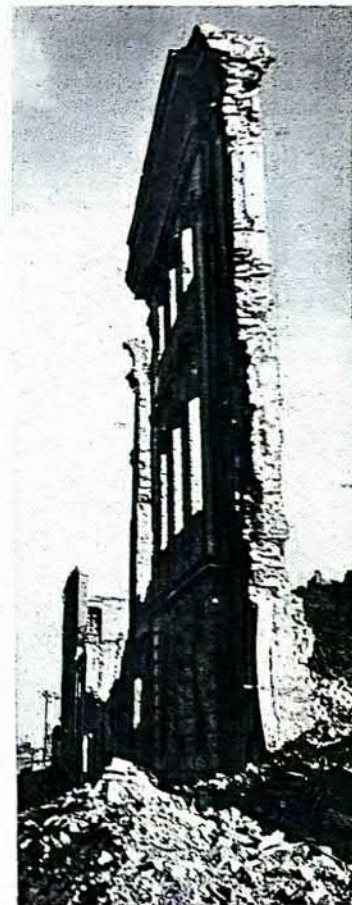
Во время боев в самом Берлине штаб фронта был отлично знаком с его улицами, площадями, каналами, скверами, предприятиями. Ему было известно расположение основных узлов сопротивления, дотов, баррикад, завалов. Он умело направлял удары войск, чтобы лишить вражеский гарнизон жизненно необходимых средств — воды, электричества, газа, коммуникаций.

По мере продвижения советских войск перед штабом фронта вставали все новые и новые задачи. Нужно было организовать прием и обеспечить жизнь освобожденных советских граждан и военнопленных союзных государств. На его плечи легла забота о расселении и снабжении немецких беженцев. В городах и селах Германии создавались советские комендатуры. Надо было быть готовым и к тому, чтобы кормить, поить и лечить миллионы жителей Берлина.

20 апреля в штаб фронта пришло распоряжение командующего 3-й ударной армией генерал-полковника В. И. Кузнецова:

«В 13 часов местного времени дальнбойная артиллерия 79 стрелкового корпуса открыла огонь Берлину».

Такие же вести передали командармы 8-й гвардейской, 5-й ударной и 47-й армий. Дали первые залпы по фашистской столице дивизион майора Ф. С. Петрякова и дивизион майора А. И. Зюкина.



Развалины Берлина.



Фронтной обед.

ОГОНЬ ВОЙНЫ

Утром 22 апреля генерал М. С. Малинин посадил меня в свою машину и коротко бросил шоферу:

— В Берлин!

Мы ехали дорогами, по которым недавно с ожесточенными боями прошли наши войска. Шоссе и обочины были изрыты снарядами и бомбами, деревья опалены огнем. Не уцелело почти ни одного селения. Крыши домов разворочены, вместо окон — провалы. Всюду груды кирпича, черепицы, стекла. Редкие жители, как тени, ходили среди хаоса пожарниц.

С обеих сторон дороги остовы танков, разбитые орудия, порывшие от огня скелеты машин, крылья, фюзеляжи и хвосты самолетов, штабеля снарядов и мин, перевернутые бетонные противотанковые надолбы, ежи из железнодорожных рельсов. Могилы с крестами, целые кладбища.

Весенний воздух пропитан запахами гари.

— Полный разгром, — говорит, оборачиваясь ко мне, М. С. Малинин. — Такого я не видел, пожалуй, и под Сталинградом.

Да, война пришла в сердце гитлеровской Германии с огнем, кровью и смертью. Фанатическое сопротивление, которое оказывали фашистские войска советским армиям, лишь увеличивало жертвы и страдания немецкого народа.

И другие картины открывались перед нами. Вот строем шагают юноши с трехцветными повязками на руках. Это французские рабочие, силой угнанные с родины на германские заводы. Целая колонна поляков: мужчины, женщины, дети. Везут на тачках скромный свой скарб бельгийцы. Идут чехи, югославы, венгры. Толпа пленных английских летчиков. Лагерь американских танкистов, захваченных в плен в Арденнах. И конечно, русские, украинцы, белорусы. Наших тысячи, многие тысячи. Слова горячей благодарности советским воинам за освобождение. Но ни улыбки, ни радостный блеск глаз не могут скрыть следов пережитого — унижений, побоев, поруганной гордости.

Гитлеровская Германия была каторгой для народов Европы. В окрестностях Берлина нельзя было сделать и шага, чтобы не натолкнуться или на концентрационный лагерь для военнопленных, или на колонию «восточных» и иных рабочих. Становилось жутко, когда пленные и согнанные в Германию силой люди рассказывали о своей жизни.

Вскоре машина подошла к артиллерийским позициям одной из частей. Генерал-полковник Малинин молодого соскочил с сиденья. Навстречу ему шел усатый чернобровый майор. Шел лихо и гордо.

— Товарищ генерал-полковник, второй гаубичный дивизион гвардейского тяжелого артиллерийского полка ведет огонь по столице немецко-фашистской Германии — Берлину. Командир дивизиона майор Сурков.

Генерал попросил провести на огневые позиции. Тут шла обычная боевая работа. Отрывисто подавались команды. Гремели залпы. Подрагивала земля, в ушах звенело. А чуть в стороне, у снарядных ящиков, на корточках сидело несколько солдат. В их руках мы заметили малярные кисти.

— А это что такое? — спросил Малинин.

Сурков улыбнулся:

— Ребята пишут берлинские адреса.

На снарядах мы прочитали надписи: «Адольфу Гитлеру», «Гостинец Геббельсу», «Подарок с Волги», «Берлин, рейхстаг», «Берлин, имперская канцелярия».

Советские пушки майора Суркова били по рейхстагу, по центру немецкой столицы.

Думали ли немцы, начиная войну против Советского Союза, что русские снаряды будут рваться в центре Берлина?

Нет, не ждали они этого. В одной берлинской квартире, занятой штабом генерала Переверткина, нам показали любопытный документ. В этой квартире на стене висело, вставленное в зеркальную рамку, письмо офицера гитлеровской армии Альберта Неймана своему дяде — хозяину квартиры. Вот дословный перевод письма:

«Под Москвой, ноябрь 1941 года.

Дорогой дядюшка! Я не могу в эти минуты не вспомнить тебя и своего обещания тебе. Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву. Я не боюсь тебе раскрыть этой замечательной военной тайны, так как она перестала быть тайной и для нас и для большевиков. Через несколько часов наступление начнется. Я видел тяжелые крупновские пушки, которые к вечеру будут обстреливать Кремль. Я видел наших гренадеров, которые должны первыми промаршировать по Красной площади. Это конец, дядюшка. Ты знаешь, я не восторженный юноша и не невежда. Это конец. Москва наша, Россия наша, Европа наша... Тороплюсь. Совет начальник штаба. Напишу из Москвы».

Вот чего они ждали и на что надеялись! Трудно узнать судьбу Альберта Неймана. Не знаем, что случилось и с его адресатом — берлинским торговцем. Осталось лишь одно убедительное примечание к наглому завоевателю Москвы, России и Европы: в квартиру, где на стенке висит письмом-реликвия, попал снаряд из русской пушки.

Малинин, бывший в 1941 году начальником штаба 16-й армии, защищавшей Москву, долго молчал. Потом сказал:

— Да, в 1941 году немцам казалось, что они близки к цели. Но кажущееся — еще не факт. Москва избежала участи Варшавы, Парижа и других европейских столиц только потому, что советские люди не пали духом и мобилизовали такие силы, которые перебороли моральный дух и материальные силы противника... А теперь врагу нас не остановить.

По лестнице мы поднялись на пятый этаж. Здесь был наблюдательный пункт генерала С. Н. Переверткина, командиров стрелкового корпуса 3-й ударной армии. Перед нами лежал Берлин. От горизонта до горизонта громоздились дома, корпуса и трубы заводов, многочисленные крхи вздымались свои высокие острые шпили, в нескольких местах зеленели массивы садов и парков. Над всем этим поднимались клубы черного дыма и собирались над городом в громадное тяжелое облако. Немецкая столица горела. Гром артиллерийской канонады сотрясал воздух, дома, землю. По Берлину били многие тысячи пушек. Но и Берлин отвечал тысячами снарядов и мин. Через несколько минут наш дом вздрогнул и покачнулся.

Генералу Переверткину доложили:



— Два неприятельских снаряда пробили стену второго этажа...

— Прощу в подвал, — сказал нам Переверткин.

Здесь был оборудован узел связи. М. С. Малинин соединился со штабом фронта и информировал маршала Жукова о положении на этом участке фронта. Из штаба фронта ему сообщили, что к немецкой столице подошли все армии ударной группировки фронта. С юга в этот день в Берлин ворвались соединения Первого Украинского фронта. На севере успешно развивают наступление войска маршала К. К. Рокоссовского.

Едва Малинин успел отойти от провода, как штаб фронта снова потребовал его к аппарату. Разведыватель-



Бои шли за каждую улицу

ный отдел докладывал, что фашистское руководство приняло решение повернуть на восток войска, действующие до сих пор против англичан и американцев.

Малинин сейчас же уехал в штаб фронта.

Генерал Переверткин, высокий, молчаливый, протянул мне донесения из частей:

«Вступили на Берлинер-аллею. Движение прекратили. Стреляет каждый дом, стреляет каждое окно. Подтягиваем артиллерию».

«Роты залегли. Продвигаться вперед невозможно, сильный огонь со всех сторон. Ждем танки и самоходные орудия».

К ночи артиллерийские разведчики



каждый дом.





И отсюда можно вести огонь.

и звукобатарея корпусного полка только на участке наступления одной дивизии засекли четырнадцать батарей, в том числе зенитные орудия, крупнокалиберные пушки и шестиствольные минометы. За десять часов соединение генерала Переверткина продвинулось вперед на... восемьсот метров.

Казалось, что перед советскими солдатами и офицерами не просто город, а чудовище, начиненное порохом и сталью, что в нем нет обычных домов, а одни крепости, что вместо площадей и скверов тут везде огневые позиции артиллерии и минометов.

Специфические условия уличных боев в немецкой столице, огромное значение победы, которая должна быть полной и быстрой, потребовали сосредоточения большого количества наших войск и мощных огневых средств. Мало было, скажем, поставить против одной фашистской пушки десять советских орудий. Недостаточно было и отвечать на одну немецкую мину или снаряд пятнадцатью или двадцатью советскими минами и снарядами. Бывало, что в иных кварталах наша артиллерия количественно превышала немецкую

во много раз. Наши пушки выпускали много снарядов по маленькой площади, по группе домов. Немецкие огневые точки переставали стрелять.

Но стоило подняться в атаку нашей пехоте, как враг опять, но уже с новых позиций открывал бешеный огонь.

Фашисты располагали большими возможностями маневра на улицах своей столицы: они готовились к уличным боям заранее.

В Берлин вошли опытные, закаленные боями войска. Но им пришлось проявить много отваги, дерзости, выдумки, хитрости, чтобы хоть на десяток, сотню метров продвинуться вперед.

На северной окраине города подразделения полковника Негоды уперлись в старинное здание, похожее на замок. Оно стояло на невысоком холме. Обойти холм с домом не представлялось возможным — за ним пролегал канал, соединенный с рекой Шпрее.

Три лобовые атаки наших батальонов, поддержанные сильным артиллерийским огнем, немцы отбили. Пришлось искать иные ключи. Под улицами и площадями шли подземные галереи с водопроводными трубами и электрокабелем. Ночью советские саперы проникли по ним к дому и заложили мощные заряды взрывчатки. Утром здание было взорвано. Наши

штурмовые группы под прикрытием огня артиллерии ворвались в развалины.

На третий день боев в Берлине штаб артиллерии фронта доставил к Силезскому вокзалу крепостные орудия, сейчас же открывшие огонь по центру города. Каждый снаряд такого орудия весил полтонны.

С востока в немецкую столицу ворвались соединения 5-й ударной армии, которой командовал генерал-полковник Н. Э. Берзарин. Штаб фронта поставил перед этой армией особенно важную задачу — овладеть районом правительственных кварталов. Тут находилась и имперская канцелярия, где размещалась ставка Гитлера.

Мы приехали в штаб Н. Э. Берзарина в часы, когда армия вела бои в Карлсхорсте. Познакомив с обстановкой, генерал Берзарин рекомендовал добраться до корпуса Героя Советского Союза генерал-майора И. П. Рослого.

— Не исключено, что именно части этого корпуса первыми пробьются к имперской канцелярии.

Николай Эрастович пожелал нам удачного пути, но в это зремя в штабную комнату командующего вошел член Военного Совета генерал-лейте-



Еще мгновение — и рубеж атаки будет достигнут.

нант Ф. Е. Боков. Узнав, что мы собрались в корпус Рослого, Федор Ефимович сказал Берзарину:

— Давай с корреспондентами передадим подарок старшему сержанту Васильеву...

Берзарин взглянул на нас и ответил:

— Если их это не обременит — можно.

Сутки или немногим больше назад Н. Э. Берзарин и Ф. Е. Боков побывали на огневых позициях шестой батареи 832-го артиллерийского полка. Артиллеристы вели огонь по Берлину и так были увлечены своим делом, что не сразу заметили генералов. Потом командир орудия Николай Васильев увидел их, что-то крикнул расчету и, подойдя к командующему и члену Военного Совета, громко отрапортовал:

— Товарищ генерал-полковник, орудие старшего сержанта Васильева ведет огонь по логову фашистского зверя — Берлину...

Артиллеристы не скрывали своей гордости и радости: еще бы — они били по немецко-фашистской столице!

Николай Васильев воевал уже четвертый год.

— Устали? — спросил его Берзарин.

— На Берлин силы хватит, товарищ генерал-полковник. А там, глядишь, и отдохнуть дадут.

Генерал Боков поинтересовался, как артиллеристы питаются, хватает ли боеприпасов. А в заключение спросил, нет ли у них каких просьб к командованию.

Все молчали.

— Просьба, пожалуй, одна у нас, — сказал после паузы Васильев, — не переводить нас никуда, дать возможность сполна повоевать в Берлине.

— Тут вам нечего беспокоиться, — ответил Берзарин.

— И есть еще одна просьба, личная, — продолжал Васильев и вдруг покраснел.

— Выкладывай, слушаем, — подбодрил старшего сержанта Боков.

— Нельзя ли где достать курительного табака. «Золотое руно» называется. Перед войной еще курил трубку. И так иногда хочется затянуться разок-другой — сил нет... Впрочем, где этот табак достать...

Васильев смутился, высказав свою необычную просьбу.

А Берзарин сказал:

— При первом удобном случае, товарищ старший сержант, получишь и табак и трубку. А сейчас желаем вам новых боевых успехов.

И вот нам предстояло завезти старшему сержанту Васильеву подарок от Военного Совета — пачку табака «Золотое руно» и трубку.

— Батарея геройская, а Васильев — герой из героев.

В артиллерийском полку нам сказали, что Васильев легко ранен и что найти его можно в дивизионном медсанбате. Нашли дом, в котором был развернут медсанбат. Медицинская сестра позвала Васильева. Это был рослый, уже немолодой круглолицый блондин, в котором угадывалась большая физическая сила и хорошее здоровье. Мы передали ему подарок. Он покраснел, как ребенок, и то ли от смущения, то ли от волнения долго не мог сказать ни одного слова. А потом скороговоркой:

— Большое спасибо командующему и члену Военного Совета. Большое спасибо вам.

В штабе генерала И. П. Рослого нас познакомили с последними событиями:

— Штурмовой отряд подполковника Галкина только что овладел крупнейшей электростанцией Берлина — Румельсбург. Сейчас идет разминирование предприятия. Немецкие рабочие согласились продолжать работу у агрегатов...

Удары по районам Берлина наносились строго по планам, разработанным штабами Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов. Прежде всего они нацеливались на такие места, потеря которых ослабляла гарнизон противника, расшатывала систему его обороны, ухудшала материальное положение обороняющихся. В первые же дни боев был занят район Тегель, где расположены главные станции водоснабжения Берлина. Наши войска быстро овладели аэродромами, лишив остатки гитлеровской авиации возможности базироваться у столицы. Были заняты электростанции, радиостанции и главные газовые заводы.

25 апреля германская столица была окружена войсками Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов и отрезана от всей страны. Несколькими днями позже на реке Эльбе встретились советские и американские войска. Фашистская Германия неотвратимо шла к катастрофе.

В ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Радиоперехваты, трофейные документы и показания лиц, близких Гитлеру, убеждают в том, что фюрер до самых последних дней фашистской империи находился в плену бредовых иллюзий. Во-первых, он верил, что у него достаточно сил и средств для успешного отпора советским войскам. Во-вторых, он убеждал себя и свое окружение в том, что не сегодня-завтра союзники по антифашистской коалиции поссорятся, переругаются и вцепятся в горло друг другу. Во всяком случае, Гитлер надеялся, что борьба на территории Германии закончится схваткой западных союзников с большевиками. Наконец, он просто ждал чуда, подобно тому, что спасло короля Пруссии Фридриха II. Как известно, в те далекие времена перемена на царском престоле России в самый последний момент не позволила русским войскам окончательно раздавить военную машину Фридриха.

Преодолевая физическую и моральную подавленность, развивающиеся по мере роста неудач на фронте, Гитлер подписывает бодрые воззвания, отдает приказы, строит планы.

В одном из обращений к солдатам фронта фюрер вещает:

«Если каждый из вас выполнит свой долг на Восточном фронте, последний штурм азиатов будет сорван... Сплачивайте свои ряды не для защиты меня, а для защиты ваших детей и жен и, тем самым, своей судьбы. В эти часы на вас смотрит весь мир... Только благодаря вашему мужеству, смелости, упорству и фанатизму большевистское нашествие мы можем затопить в крови!»



И эти подростки были призваны Гитлером в армию.

В один из дней берлинского сражения все высокопоставленные гитлеровцы выехали в войска. Сам Гитлер посетил 309-ю пехотную дивизию. Офицеры встали перед фюрером на колени и заверили его, что не отступят от занимаемых позиций ни на один шаг, даже если танки противника зайдут им в тыл.

Гитлер сказал офицерам:

— Надо продержаться сорок восемь часов. Через сорок восемь часов наступит перелом и счастье перейдет на нашу сторону.

В частях 9-й армии побывал Геббельс. В специальном воззвании к войскам он писал:

«Солдаты 9-й армии! Посетив вашего командующего, я привезу с собой в Берлин уверенность, что оборона нашей родины, подвергшейся столь суровым испытаниям от степных извергов Востока, взята в свои руки самыми лучшими солдатами Германии...»

Гитлеру и Геббельсу, решившим остаться в Берлине для поднятия духа своих войск, помогали Геринг и Борман; Гиммлер и Кейтель, Йодль и Кребс. Генеральный штаб Германии работал с лихорадочной напряженностью.

Мы уже рассказывали, какие огромные силы сосредоточили правители Германии для обороны своей столицы. В ходе сражения Гитлер и его штаб снимали соединения и целые армии с Западного фронта и срочно гнали их на восток. Так перед нашими войсками появилась группа генерала Штейнера, потом 12-я армия генерала Венка. В самом Берлине численность гарнизона была доведена до 300 тысяч солдат и офицеров.

— Все силы к Берлину, — неоднократно радировал немецким командующим генерал-фельдмаршал Кейтель. — Прошу не обращать особого внимания на атаки американцев и англичан.

Берлин по обоюдному соглашению на конференции союзников в Крыму входил в зону действий советских войск. Несмотря на это, на него нацеливались и американцы и англичане. В письме к английскому фельдмаршалу Монтгомери главнокомандующий всеми союзными войсками в Европе американский генерал Эйзенхауэр писал: «Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнений...» А 7 апреля, как пишет в своей книге «Верховное командование» американский историк Ф. С. Погью, Дуайт Эйзенхауэр докладывал в Объединенный комитет начальников штабов: «Если после взятия Лейпцига окажется, что можно без больших потерь продвигаться на Берлин, я хочу это сделать... Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах политических целей, и если Объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию».

Как стало видно из последующих событий, наши западные союзники отказались от планов взятия Берлина лишь после того, как 16 апреля за Одером грянули советские пушки.

А сейчас бои шли уже в самой немецкой столице и приближались к правительственному кварталу. 28 апреля артиллерийский дивизион майора Петрякова, как и другие артиллерийские подразделения в этом районе, получил специальное задание: перевести огонь на имперскую канцелярию. Представитель штаба, передавая письменный приказ лично в руки майора, сказал:

— По нашим сведениям, там находятся Гитлер, Борман, Геббельс, Кейтель...

Тщательно проверив каждую пушку и каждый расчет, Петряков скомандовал:

— По логову фюрера — огонь!

* «Ну теперь я с ними сведу счеты, — думал Петряков. — Отомщу за всех: за братьев, друзей, товарищей...»

Он старался быть спокойным. И не хотел, чтобы кто-нибудь заметил, как он удовлетворен, обрадован этим специальным, почетным приказом.

Батареи били часто, и Петрякову приходилось уже кричать в микрофон:

— Огонь!

— Огонь!

Рядом накапливались для атаки имперской канцелярии подразделения 248-й и 301-й стрелковых дивизий 5-й ударной армии.

Ни майор Петряков, ни командиры соединений генералы Н. З. Галай и полковник В. С. Антонов не знали, естественно, то, что в эти часы и минуты творилось в так называемой новой имперской канцелярии, во дворе которой стоял бункер ставки Гитлера.

А тут назревала трагическая развязка.

Адольф Гитлер, фюрер и вождь фашистской Германии, уже несколько дней не покидал своих подземных апартаментов. Бомбоубежище, или, как называли его немцы, «Гитлербункер», было покрыто сверху восьмиметровой толщей бетона. Одну половину бункера занимал Гитлер, личный врач

фюрера Морелль, хирург Штумпфегер, Ева Браун и овчарка по имени Блонди. В другой половине жили повара, слуги, камердинер фюрера Линге.

В прямоугольном, довольно просторном кабинете Гитлера стоял массивный письменный стол, а рядом на подставке большой глобус.

Вот тут, в этом кабинете, еще 20 апреля нацистские главари последний раз собрались вместе, чтобы отметить день рождения Гитлера. Были Борман, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Риббентроп, Кейтель, Иодль, Кальтенбруннер. Гитлер был бледен, у него тряслись руки. Срывающимся голосом он объявил, что из Берлина никуда не поедет и разделит с Берлином любую судьбу.

Риббентроп впоследствии скажет:

— Я и все остальные поняли это решение, как намерение Гитлера покончить с собой. Впрочем, что же ему оставалось делать? Идти в плен к большевикам или к американцам?

22 апреля Гитлер проводит последнее оперативное совещание. После доклада о военном положении (которое уже было безнадежным для Германии) фюрер впервые говорит своим приближенным, что ему, видимо, придется добровольно покинуть этот свет.

Дальше события разворачиваются с драматической быстротой. Советские армии сжимают кольцо вокруг Берлина. Поочередно терпят разгром группы генерала Штейнера и армия генерала Венка, на которые Гитлер возлагал большие надежды. Потом из Берлина исчезают Геринг, Дениц, Гиммлер, Кейтель, Иодль. 26 апреля Гитлеру вручают телеграмму от Геринга. В телеграмме говорилось:

«Мой фюрер, я думаю, вы согласны с тем, что после вашего решения остаться в Берлине и защищать его, я возьму на себя на основе закона от 29 июня 1941 года все ведение дел империи внутри и вне. Если до двадцати двух часов я не получу ответа, я буду считать, что вы лишены свободы действий, и буду действовать по своему усмотрению».

Телеграмма Геринга взбесила Гитлера. Он приказал немедленно арестовать своего бывшего первого друга и преемника.

27 апреля — новый удар: В этот день Гитлер узнал, что из бункера бежал его приближенный и родственник эсэсовский генерал Фегелейн. Фюрер приказал поймать генерала и расстрелять.

Вечером Гитлеру доложили, что у подземной станции метро, находящейся позади имперской канцелярии, обнаружены разведчики советских частей.

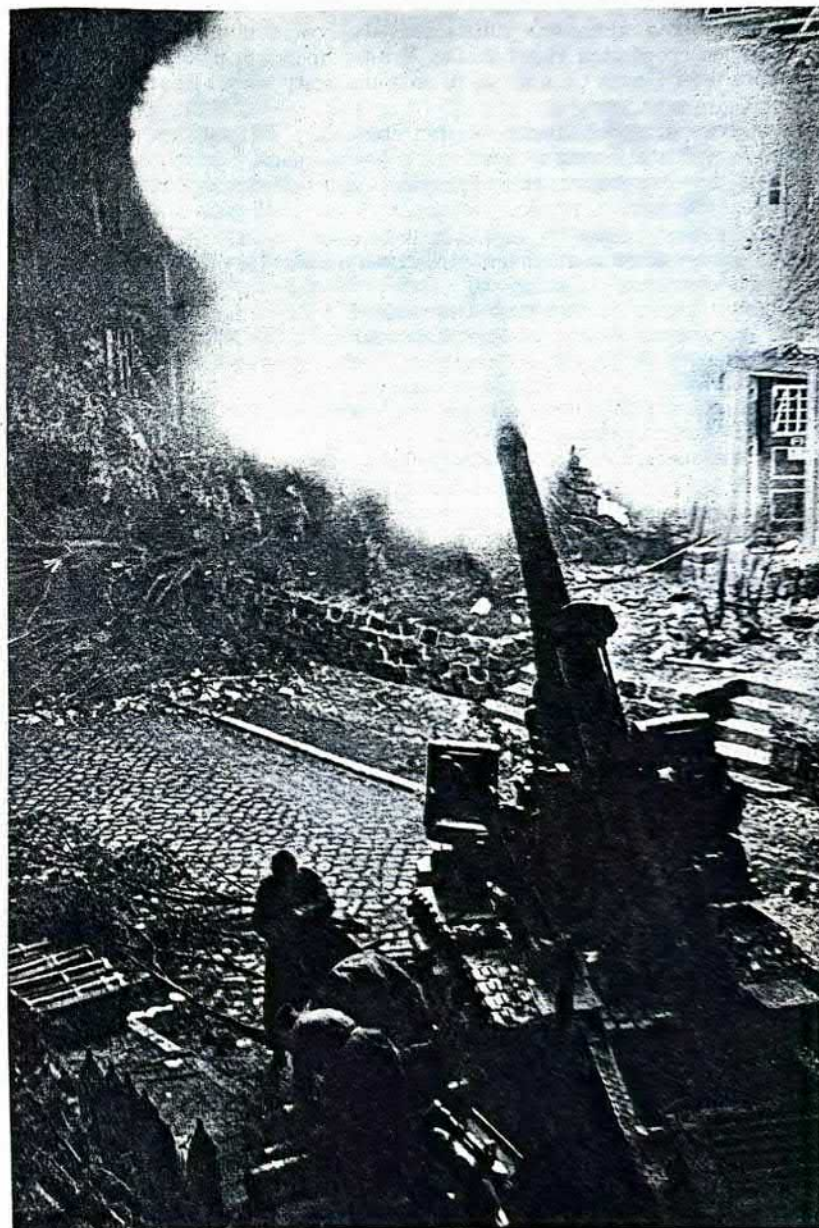
— Затопите метро, — приказал Гитлер. — Откройте шлюзы, вода проникнет далеко под землю и не позволит русским завладеть им.

Дежурный офицер осмелился сказать, что в метро размещены госпитали, что в нем прячутся от огня тысячи берлинских жителей, в том числе женщины и дети.

— Мы должны бороться. Остальное не имеет значения, — ответил Гитлер.

29 апреля Гитлер отпраздновал свою свадьбу с Евой Браун. Мрачной выглядела эта церемония, мрачными были лица гостей: Бормана, Геббельса и его жены Магды.

Под конец свадьбы явился для доклада генерал Вейдлинг.



Бьет дальнбойная.

— Я не увидел никакого торжества, — вспоминал впоследствии Вейдлинг. — Гитлер сгорбился еще больше. У него дрожали руки, а левая судорожно дергалась. Когда он пошел, то волочил одну ногу... Передо мной был не человек, а развалина.

Доклад генерала Вейдлинга не мог прибавить Гитлеру ни радости, ни бодрости. У войск в Берлине кончались боеприпасы. Продовольствия нет. В тяжелом положении раненые. Русские и американцы соединились на Эльбе.

— Что делать, фюрер? — спросил Вейдлинг.

Гитлер долго молчал, наконец заговорил о том, что он рассчитывает на доставку боеприпасов по воздуху.

— Но, мой фюрер, аэродромы Темпельгоф и Гатов захвачены русскими. Взлетная площадка около имперской канцелярии сожжена русской артиллерией, — ответил Вейдлинг.

Гитлер молчал. Тогда Вейдлинг сказал:

— Берлин мы больше не можем защищать. Но, может быть, найдется возможность спасти вас.

Гитлер не реагировал и на эти слова.

— В этот день, — показывал Вейдлинг, — Гитлер произвел на меня впечатление конченого, сломленного судьбой человека. Он был подавлен не только морально, но и физически... И еще одно поразило меня, — добавляет Вейдлинг. — В коридорах и бункерах имперской канцелярии было много пьяных. Видимо, люди старались утопить свой страх, свое отчаяние в вине...

В тот же день Гитлер испытывает на своей овчарке Блонди действие яда, оставленного ему лейб-медиком Мореллем.

Рано утром 30 апреля советские войска начали штурм центра Берлина. Помещение бомбоубежища содрогалось, как при землетрясении. Пришлось выключать вентиляторы — вместе с воздухом они нагнетали в помещение гарь и пороховые газы.

Гитлер прощается с наиболее приближенными лицами. Некоторым он вручает подарки. Шеф-пилоту Бауэру дарит любимую картину — портрет Фридриха II. После этого ни его, ни Еву Браун никто не видел.

Аксман, руководитель организации «Гитлерюгенд», бывший в это время в бомбоубежище, говоря на Нюрнбергском процессе о смерти Гитлера, показал:

— В 15 часов 30 минут 30 апреля 1945 года из кабинета Гитлера вышел адъютант фюрера Гюнше и сказал: «Господа, фюрер мертв...» Мы увидели фюрера, сидевшего на диване. Ева Браун сидела рядом с ним, положив голову на плечо Гитлеру. Фюрер наклонился вперед, и было ясно, что он мертв, его нижняя челюсть отвисла, на полу лежал револьвер...

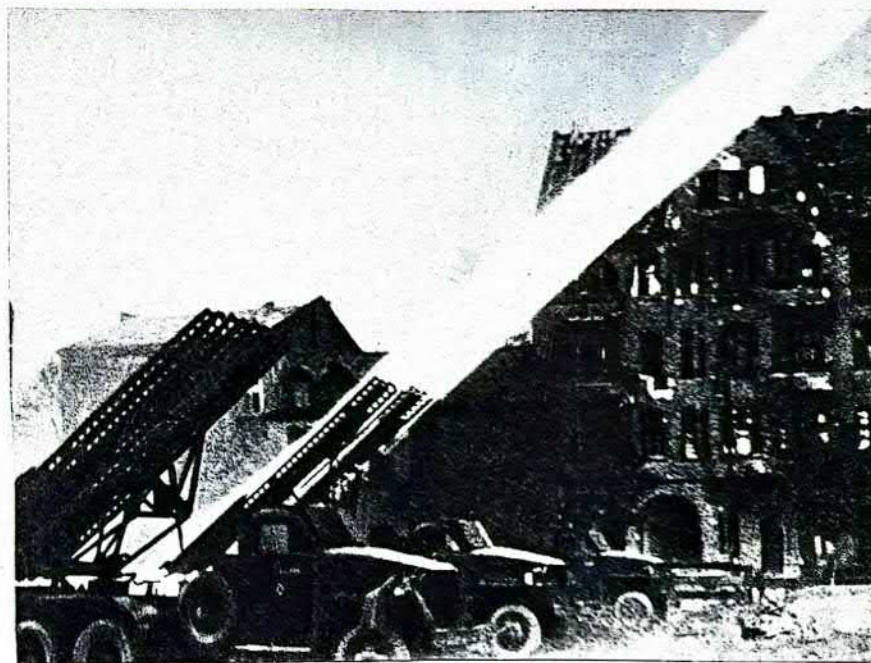
Уже потом советские власти провели тщательное расследование обстоятельств самоубийства Гитлера и выяснили некоторые подробности. Оказалось, в частности, что фюрер и Ева Браун приняли сильнодействующий яд. Когда они были мертвые, Гюнше по указанию Бормана выстрелил в рот Гитлеру. Так была создана видимость того, что верховный главнокомандующий рейха застрелился, и тем самым спасена «честь» офицерского корпуса нацистской армии.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

В Берлине было много важных военных объектов: вокзалы, аэродромы, мосты, электростанции, здания имперской канцелярии, министерств, гестапо. Но важнейшим военным и политическим объектом, конечно, являлся рейхстаг, где долгие годы заседал немецкий парламент. В нем в свое время прусские юнкера и рурские финансовые магнаты провозгласили Гитлера канцлером. Тут совершена самая гнусная в истории политическая провокация — поджог рейхстага, которая послужила предлогом к расправе фашистов с героической компартией Германии. Здесь принимались дикие антиеврейские законы, произносились погромные речи.

Советские воины хорошо понимали значение рейхстага и шли к нему как к цитадели фашизма, главной крепости кровавого германского империализма.

По первоначальному замыслу операции для штурма Берлина предназначались войска 8-й гвардейской, 5-й ударной, 1-й гвардейской и 2-й гвардейской танковых армий. Но случилось так, что наибольший территориальный успех уже в первые дни сражения выпал на долю 3-й ударной армии, кото-



Залп «катюш».



В этом доме был узел сопротивления врага.

Знамя № 5 досталось 150-й стрелковой Идрицкой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор В. М. Шатилов. Именно этому знамени и суждено было развеяться над рейхстагом, а ныне стоять в числе других ратных святынь и реликвий в музее Центрального Дома Советской Армии.

26 апреля 1945 года генерал-майор В. М. Шатилов вручил знамя командиру 656-го стрелкового полка полковнику Ф. М. Зинченко. А в полку это почетное знамя заслужил батальон, которым командовал опытный и мужественный офицер — капитан С. А. Неустроев.

В дни боев за Берлин почти каждое подразделение Красной Армии имело красные флаги и флажки. 24 апреля младший лейтенант К. Громов с группой солдат прорвался к водонапорной башне и прикрепил к ней флаг с надписью «Слава Красной Армии!». Немцы открыли по флагу пулеметный огонь и сбили его. Но через пять минут красное полотнище вновь развеялось над башней. Враг обрушил на него мины. Громов в третий раз прикрепил его к башне.

С жестокими и упорными боями части генерала Переверткина продвигались к центру вражеской столицы. Жаркие схватки происходили за каждую улицу, за каждый дом. Наконец, 28 апреля дивизии генерала

рой командовал генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов. Тогда Военный Совет Первого Белорусского фронта приказал этой армии повернуть на Берлин, захватить северную часть города и наступать в центр его через район Моабит к парку Тиргартен.

— Возможно, что мы первыми подойдем к рейхстагу, — сказал генерал В. И. Кузнецов члену Военного Совета генералу А. И. Литвинову.

— Не исключено, — согласился Андрей Иванович.

— Не пора ли подумать о Знамени Победы, — продолжал командующий.

Они оба знали, что 5-й ударной и 8-й гвардейской армиям Военный Совет фронта вручил Знамена Победы еще в первые дни боев за немецкую столицу. И вот теперь встал вопрос о своем Знамени Победы.

— Дай немного времени на совет и думы, — сказал Литвинов.

Вскоре Военный Совет 3-й ударной армии принял решение об учреждении Знамен Победы. Таких знамен было изготовлено девять — по числу дивизий. Они были пронумерованы.



Каждый шаг — с боем, каждый шаг — в огне.

Шатилова и полковника Негоды пробилась к реке Шпрее. За ней лежали Тиргартен, аллея Побед, Шарлоттен-театр, рейхстаг. И тут 3-й ударной армии пришел приказ штаба фронта:

«Штурмом взять рейхстаг!»

Враг занимал оборону по южному берегу Шпрее, в домах по всему полукружью Королевской площади. На подступах к рейхстагу были созданы мощные укрепления. По существу — каждое здание было крепостью. Площадь во всех направлениях разрезали траншеи с пулеметными площадками. Вокруг рейхстага и в парке Тиргартен стояли зенитные батареи, приспособленные для ведения огня прямой наводкой. За противотанковым рвом, заполненным водой, были скрыты пятнадцать железобетонных дотов.

Хорошо был подготовлен к боям и сам рейхстаг — огромное, многоэтажное, мрачное, вросшее в землю и выкрашенное землистой краской здание. Окна его были заложены кирпичом и мешками с песком, из которых торчали стволы пулеметов и легких пушек. Гарнизон немецкого парламента насчитывал более двух тысяч солдат и офицеров. А всего в районе рейхстага засело почти шесть тысяч гитлеровцев. Среди них находился батальон курсантов военно-морской школы Росток, выброшенный сюда в ночь на 28 апреля на парашютах.

Операцией по штурму рейхстага руководил лично командарм В. И. Кузнецов. Он и ставил задачи полкам 150-й и 171-й дивизий. Штурмовыми батальонами командовали Неустроев, Давыдов и Самсонов. Вместе с дивизией Шатилова в бой шла 23-я танковая бригада.

Утром 29 апреля наши части атаковали позиции противника в районе моста Мольтке. Артиллерия всех калибров, в том числе тяжелые гаубицы, били по врагу прямой наводкой. День потускнел от огня и дыма.

Несмотря на упорное сопротивление и частые контратаки гитлеровцев, подразделения Шатилова и Негоды перешагнули водный рубеж и начали накапливать силы для броска к рейхстагу.

Наступило 30 апреля. В подвалах министерства внутренних дел готовился к бою батальон Неустроева. На митинге перед боем выступил заместитель командира по политической части лейтенант Алексей Берест.

— Сегодня, — сказал он, — наши сердца охвачены великой радостью. Каждый чувствует, что часы Гитлера и его фашистского государства сочтены. Над многими районами Берлина уже развеваются наши победные алые стяги. Теперь очередь за рейхстагом. Родина поручила штурмовать его нам. Вон он, — показал Берест на окно, — всего одна площадь отделяет нас от цели.

Берест подзвал к себе Михаила Егорова и Мелитона Кантария.

— Это наши разведчики. Их вы все знаете. Егоров коммунист, Кантария комсомолец. Они понесут на штурм рейхстага знамя, учрежденное Военным Советом нашей армии... Порадуем же в праздник Первого мая советский народ — водрузим над рейхстагом наше родное красное знамя!

В назначенное время загрела советская артиллерия. И когда огонь достиг предела, над Королевской площадью взвились красные ракеты. Это

был сигнал к атаке. Батальоны Давыдова, Неустроева и Самсонова бросились вперед. Вместе с ними снялись со своих позиций артиллеристы.

Ожили все уцелевшие огневые точки врага. Били пулеметы, рвались снаряды, мины, фаустпатроны. Площадь превратилась в сплошной огненный ад. В батальоне Неустроева первым бежал к цели Петр Пятницкий. В левой руке он держал флаг, в правой — автомат. За ним, как волна, катилась основная масса солдат. Вбежав на лестницу рейхстага, Пятницкий упал, сраженный пулей. Окровавленный флажок из рук героя взял коммунист Петр Щербина. Под градом пуль отважный воин пробрался к первой колонне рейхстага и прикрепил к ней флажок.

Впереди батальона Самсонова устремились к рейхстагу комсомольцы Михаил Еремин и Григорий Савенко. То короткими перебежками, то переползая от одного укрытия к другому, они упорно, шаг за шагом сближались с врагом, увлекая за собой товарищей. Последний рывок привел их на лестницу главного входа рейхстага. Еремин, раненный в голову, сорвал фашистский флаг и установил на его месте свой, красный. И почти тут же на площади раздалось могучее красноармейское «ура». Это ринулись к цели все роты батальона.

Небольшие красные флаги, установленные на колоннах, карнизах и окнах фашистского парламента, как бы указывали путь к победе, звали к рейхстагу.

Засевшие на верхних этажах здания немцы поливали атакующие цепи огнем из пулеметов и автоматов. Тогда штурмовые батальоны залегли и советским артиллеристам был отдан приказ:

— Беглый огонь по рейхстагу!

Тысячи снарядов и мин обрушились на фашистскую крепость.

В это время к стрелковым батальонам подошли наши танки и самоходные артиллерийские установки.

Новая атака советских воинов была стремительной и неустойчивой. Сейчас уже не одиночные бойцы и небольшие группы, а целые роты пробивались к рейхстагу и в пробоины в дверях и окнах проникали в само здание.

Вместе с ротой Ильи Сянова ворвались в рейхстаг Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Учитывая сложность задачи, поставленной перед знаменосцами, командование батальоном прикрепило к ним лейтенанта Береста. Впереди с автоматом двигался Мелитон Кантария, за ним, прикрывая собой знамя, следовал Михаил Егоров. Ни на шаг не отставал Берест.

Стоял день, а в рейхстаге царила темнота. Схватки вспыхивали на лестничных клетках, на балконах, в коридорах, в залах и комнатах. Трещали автоматные очереди, ухали взрывы гранат. Все выше и выше, с этажа на этаж пробивалась рота Ильи Сянова.

В зале, где висела статуя Бисмарка, Сянов остановился. Надо было не только передохнуть, но и дождаться, когда сюда придут все взводы. По совету Береста рота выделила для сопровождения знаменосцев отделение сержанта Петра Щербины.

— В путь, товарищи, к куполу, к великой цели! — напутствовал боевую группу Сянов.

Стреляя из автоматов и забрасывая гитлеровцев гранатами, советские воины упорно шли вперед. Вот последний пролет. И вдруг залп врага. Схватка продолжалась несколько минут.

— Четвертый этаж,— сказал Берест, разглядывая план рейхстага.

Здесь немцев уже не было. Но знаменосцев подстерегала новая опасность. По крыше рейхстага била наша и вражеская артиллерия. Группа Береста ползком, ощупывая каждую пядь, двигалась к куполу. Отыскав пробоину от снаряда, Егоров и Кантария вставили в нее древко знамени и крепко прикрутили его к штанге решетки. Каждый солдат поцеловал изрешеченное пулями и осколками алое полотнище.

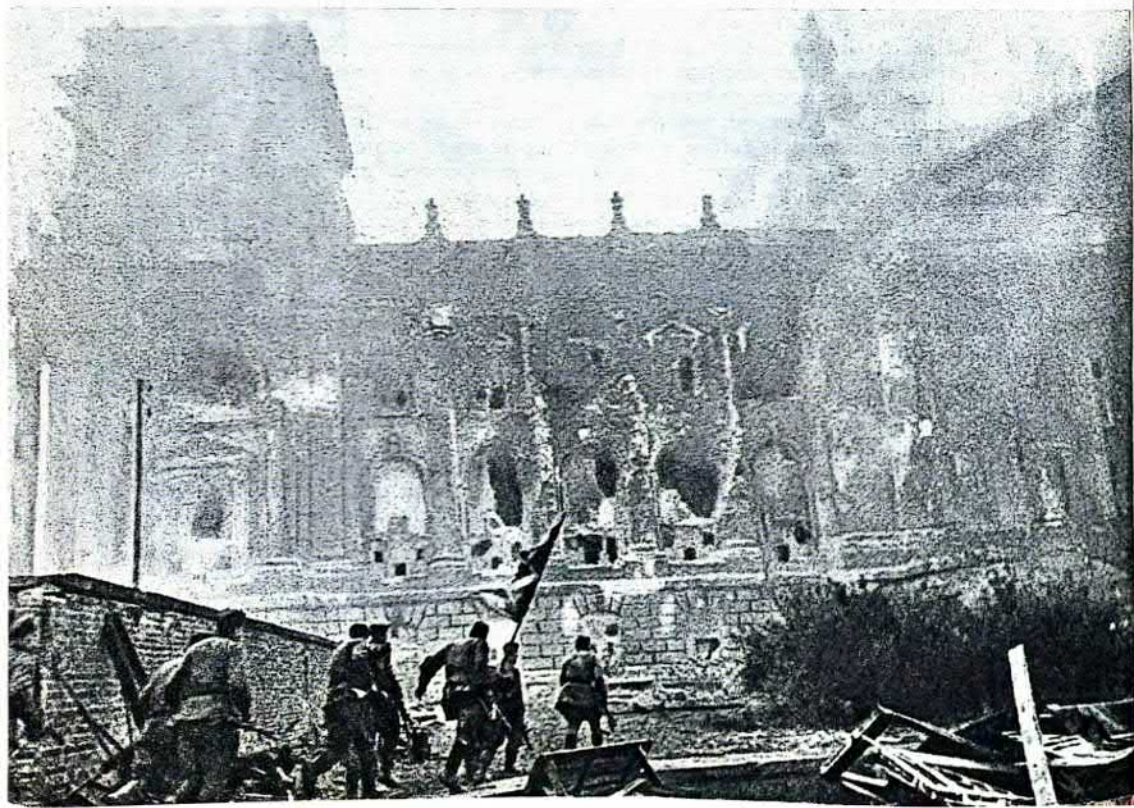
Около 15 часов по московскому времени командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов позвонил на командный пункт маршала Г. К. Жукова:

— На рейхстаге — красное знамя! Ура, товарищ маршал!

— Дорогой Василий Иванович,— ответил Жуков,— я сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом. А как с самим рейхстагом?

В рейхстаге продолжались упорные бои. Они длились еще более суток

К рейхстагу!



и только к исходу 1 мая гитлеровский гарнизон сдался. В плен было взято около 1500 солдат и офицеров.

Комендантом рейхстага был назначен полковник Федор Матвеевич Зинченко, чья часть вынесла основную тяжесть боев.

Беру первые интервью.

Ф. М. Зинченко:

— Настроение хорошее. Сегодня реально увидели конец войны... Бои были трудные, пожалуй, самые трудные за все время войны. Герои — весь полк и еще артиллеристы, танкисты, саперы, связисты, медицинские работники...

С. Д. Неустроев:

— Радость, конечно, великая... Но говорить с вами не могу — смертельно устал.

Алексей Берест:

— Победили наши замечательные советские солдаты. Рядовые солдаты. А запевалы победы — коммунисты и комсомольцы...

Илья Сьянов:

— Нам просто выпал случай, счастливый случай. Если бы на нашем месте была другая дивизия, другие полки, другие батальоны и роты, конец бы был такой же — победа. Нам безмерно приятно, что именно мы брали рейхстаг. Но его бы взяли с таким же успехом и другие советские воины. Так что наша победа — победа советского оружия, советского духа.

Михаил Егоров:

— Очень жалко Петра Пятницкого. Вот настоящий советский богатырь. Прошу не забывать — он первым достиг стен рейхстага. Вечная память, вечная слава ему!

Мелитон Кантария:

— Я рад за грузинский народ. Спасибо командованию, что такое доверие было оказано колхозному комсомольцу из-под Кутаиси.

СОБЫТИЯ ДВУХ СУТОК

Вечером 30 апреля и в ночь на 1 мая бои в Берлине достигли наивысшего напряжения. Хотя в руках у гитлеровцев оставался только центральный сектор города, сопротивление их не ослабевало. В подвалах рейхстага и государственного почтамта, министерства финансов и гестапо, министерства авиации и имперской канцелярии сидели отъявленные головорезы — части гестапо, СС и сводные офицерские батальоны. В их распоряжении было вполне достаточно артиллерии, минометов и фаустпатронов. Сотни зенитных орудий одновременно стреляли по воздушным и наземным целям. Между домами, среди развалин, на площадях высились серо-грязные железобетонные бункера. В них за трехметровыми стенами размещались специальные гарнизоны, достигающие 500—700 отборных солдат и офицеров.

К этому времени, правда, Берлин стал тесен и для советских войск. Улицы были забиты танками, самоходными орудиями, автомашинами, обозами. Площади, пустыри и развалины не вмещали артиллерию.

Срочно расчищались завалы кирпича и железа, на улицах делались проходы, дорожные батальоны устанавливали маршруты одностороннего движения. Убиралась разбитая вражеская техника — изуродованные «тигры» и «пантеры», неуклюжие бронетранспортеры, длинноствольные зенитки, минометы, машины.

Берлин с тревогой и удивлением смотрел на нескончаемые колонны советских войск. Наиболее смелые и любопытные берлинцы подходили к огромным серым тяжелым танкам с мощной пушкой и спрашивали:

— Из Америки?

Танкисты не без гордости отвечали:

— Нет, это из России, с Урала.

Немцы качали головами и обращались к артиллеристам:

— Английские?

Командир орудия, части которого тащили два тягача, с ног до головы осматривал немцев и строго говорил:

— Англичане таких не делают. Это наши, советские.

Особенно удивляла немцев «катюша» — реактивная минометная установка. Почти четыре года в письмах и рассказах родных и знакомых с фронта они слышали жалобы на это страшное оружие. Сейчас они его видели и далеко обходили каждую машину, шепотом передавая друг другу пугающее слово «катюша».

День и ночь над Берлином носились эскадрильи советских самолетов. Берлинцы спрашивали:

— Англия и Америка вам самолеты дают?

Им отвечали:

— Сами строим.

— А вот те самолеты — ваши или американские?

— Советские.

Обманутые лживой и наглой геббельсовской пропагандой, немцы и впрямь думали, что у советских войск нет ничего своего, что эти войска ведут и учат английские и американские инструкторы. Как же удивились многие из них, когда в Берлин ворвались не английские и американские, а советские войска, вооруженные грозной военной техникой!

Некоторые немцы спрашивали, придут ли наши союзники в Берлин. Советские солдаты отвечали им прямо и без всякой дипломатии:

— Наверно, придут... Мы вот Берлин возьмем, а после придут англичане и американцы...

Темнота 30 апреля наступила в Берлине раньше обычного. Но не грозные тучи покрыли город. Открыла адский огонь по последним очагам сопротивления гитлеровцев наша артиллерия. Дым разрывов и пожаров сгустил сумерки. Грозная канонада продолжалась более часа. Все, кто мог, прятался в подвалы, убежища, в тоннели метрополитена.

Бои продолжались и ночью. По темным, дымным улицам Берлина потянулись длинные колонны пленных немецких солдат, офицеров, генералов.

Пленные на допросах показывали, что силы обороны иссякают. Среди ста тридцати немцев, взятых в плен в подвалах министерства авиации, советские военные врачи обнаружили семнадцать сумасшедших. Нервы



Исторические минуты — Знамя Победы водружено!

врага не выдерживали напряжения. Окруженный гарнизон пятиэтажного бункера у Потсдамского вокзала во втором часу ночи побросал оружие и силой заставил офицеров сдаться в плен.

В 3 часа 50 минут 1 мая на командный пункт Восьмой гвардейской армии был доставлен начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс. Высокий, с утомленным, бледным лицом, фашистский генерал громко стукнул каблуками и сказал генерал-полковнику В. И. Чуйкову, что он уполномочен установить контакт с Верховным Командованием Красной Армии для проведения переговоров о перемирии. Одновременно Кребс передал письмо Геббельса к советскому Верховному Командованию. В письме говорилось:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права, фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь

¹ 30 апреля.

с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства. Завещание подписано Гитлером и скреплено свидетелями. Датировано оно 29 апреля 1945 года.

Генерал Чуйков немедленно информировал обо всем командующего фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Жуков тут же направил на командный пункт Чуйкова своего заместителя генерала армии В. Д. Соколовского. В. И. Чуйкову и В. Д. Соколовскому была дана инструкция:

«Никакого перемирия, только безоговорочная капитуляция всей фашистской Германии».

Переговоры продолжались несколько часов. Кребс крутил и вертел, хитрил. И наконец сказал:

— Я не уполномочен решать вопросы безоговорочной капитуляции.

Ему в ответ заявили, что, если до 10 часов утра Геббельс и Борман не согласятся на безоговорочную капитуляцию, советские войска нанесут такой удар, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться.

Кребс уехал. Тут случилось одно событие, которое показало, как коварен и жесток враг.

Генерала Кребса в целях безопасности сопровождали советские офицеры. Вот машины подъехали к боевому охранению наших войск. Кребс вышел и направился к своим. Как только он скрылся с глаз, с той, немецкой стороны вдруг раздалась пулеметная очередь, застрекотали автоматы. Враг открыл огонь по офицерам, которые сопровождали Кребса. Майор Белоусов схватился за грудь. Мертвенная бледность проступила на его лице. Он пошатнулся и упал на камни мостовой. К нему бросились наши солдаты, офицеры. Белоусов сказал:

— Вот какие они — фашисты...

Его положили на плащ-палатку и понесли в укрытие. Раздался новый предательский залп. Пуля раздробила ногу смертельно раненному майору.

В назначенное время ответа от Геббельса и Бормана не поступило. В 10 часов 40 минут советские войска открыли огонь по обороне врага. К вечеру подразделения 248-й и 301-й стрелковых дивизий 5-й ударной армии прорвались к имперской канцелярии. Одну из штурмовых групп возглавляла инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор Анна Владимировна Никулина. Когда бой переместился во внутренние помещения, Никулина вместе с офицерами И. Давыдовым и Ф. Шаповаловым водрузила над имперской канцелярией красное знамя.

Ночью 2 мая в 1 час 50 минут наши радисты приняли радиogramму штаба берлинской обороны:

«Высылаем своих парламентариев на мост Бисмаркштрассе. Прекращаем военные действия».

В 6 часов 30 минут утра 2 мая на участке 47-й гвардейской дивизии сдался в плен командир 56-го немецкого танкового корпуса генерал Вейдлинг. Оказалось, что этот генерал несколько дней назад был назначен командующим обороной Берлина.

Вейдлинг сообщил, что Геббельс и Кребс покончили с собой, а он не считает возможным дальнейшее сопротивление.

Через некоторое время Вейдлинг диктовал приказ:

— Приказ по войскам берлинского гарнизона.

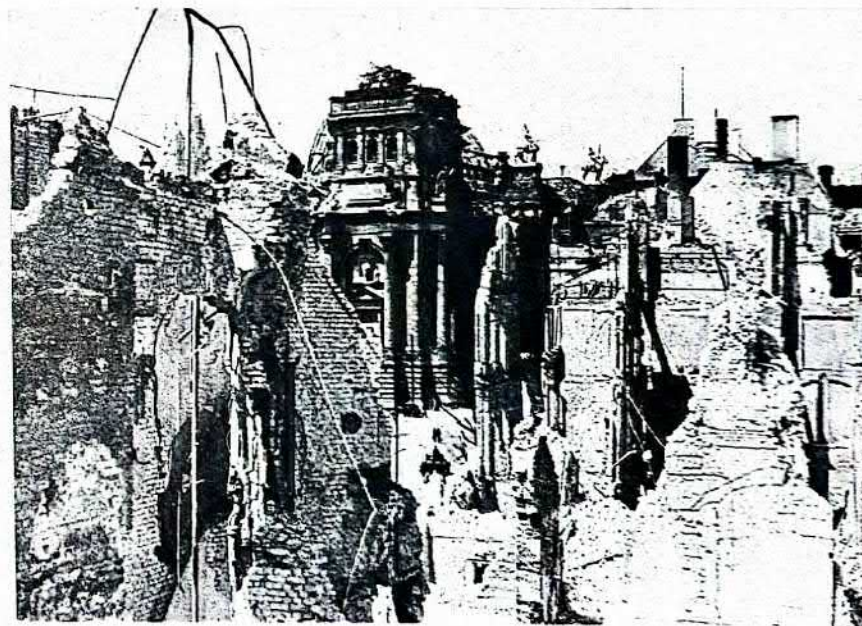
Солдаты, офицеры, генералы!

30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших на верность ему, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин несмотря на то, что иссякли боевые запасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление. Приказываю: немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг (генерал артиллерии, бывший командующий зоной обороны Берлина).

Приказ Вейдлинга был несколько раз передан по радио.

В полдень по берлинскому радио выступил сдавшийся в плен заместитель министра пропаганды доктор Фриче.

«Каждый час нашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых, — говорил бывший сподвижник



В центре Берлина.

ник Геббельса. — Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву».

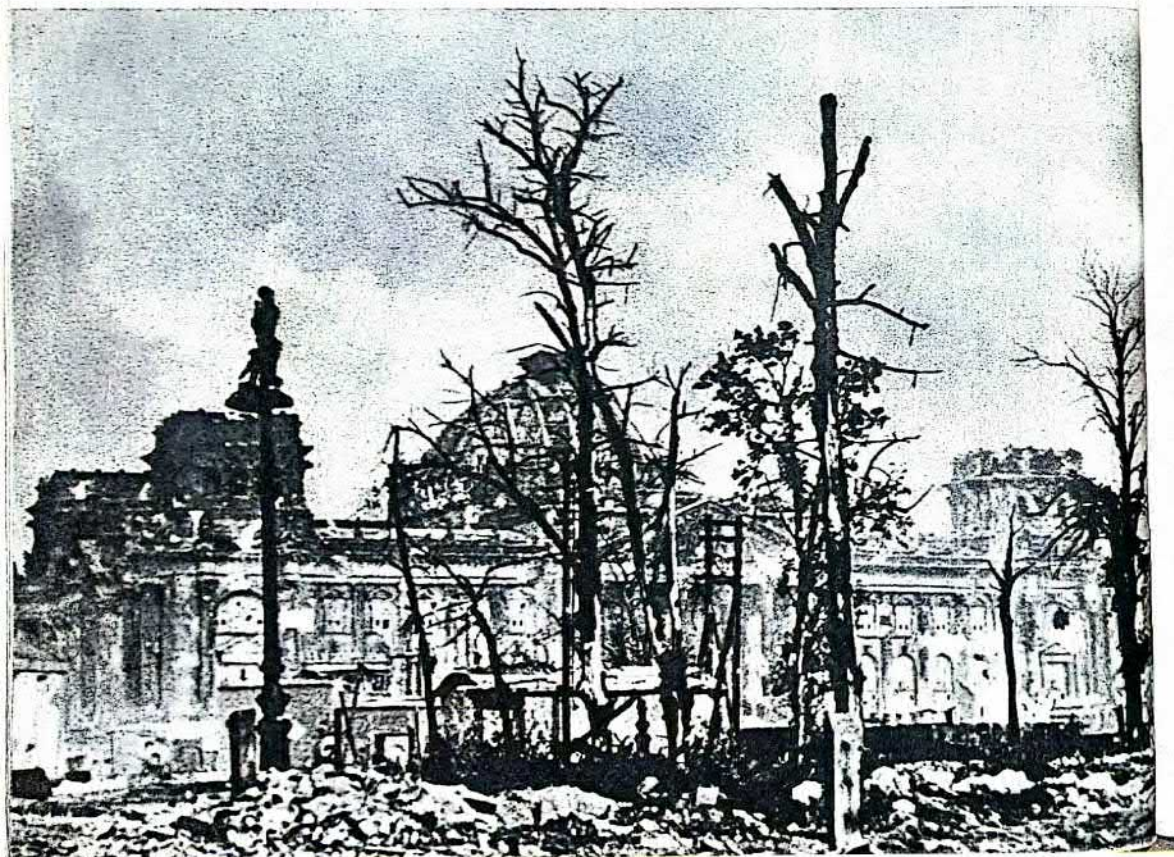
Вот как заговорил этот матерый фашист! А еще 20 апреля доктор Фриче призывал к фанатическому сопротивлению, пророчил победу «славному германскому оружию»!

В центре города в это время уже шла массовая капитуляция немецких частей и подразделений. Некоторые из них приняли решение самостоятельно, многие подчинились приказу Вейдлинга, а иные части складывали оружие по примеру соседей.

Стрельба в Берлине начала стихать. Из подвалов и развалин домов, из тоннелей метрополитена, из окопов и траншей Тиргартена выходили немцы с белыми флагами и спрашивали у советских офицеров, куда сдавать оружие. Около приемных пунктов образовались длинные очереди. Штабеля винтовок, автоматов, пистолетов, кучи патронов и пулеметных лент росли с каждой минутой.

— Девятьсот двадцать восемь, — устало говорил майор Петряков, укладывая очередную автомат.

Вот он — поверженный рейхстаг.



Артиллеристы сдавали пушки, танкисты — танки, шоферы — машины, связисты — средства связи.

По улицам немецкой столицы потянулись бесконечные колонны пленных гитлеровских войск. Они шли по Унтер-ден-Линден и Фридрихштрассе, по улицам Вильгельма и Бисмарка, переулкам, площадям. Впереди каждой колонны — генералы и офицеры.

Толпы женщин, стариков и детей выстроились у домов, мостов, на площадях. Тысячи глаз были устремлены на капитулировавшее немецкое войско. Часто раздавались крики:

— Герман!
— Пауль!
— Генрих!

Это женщины узнавали своих мужей, сыновей, отцов. Слышались рыдания.

Дымились дома.

На мостовых валялись кирпичи, камни, стекла, арматура.

Маленькие, большие, огромные воронки чернели на асфальте.

В дырявых стенах домов и в разбитых окнах свистел ветер. С неба лил не по-весеннему холодный дождь.

По улицам шли кривые, колыхающиеся ряды черных, грязных, закопченных и ободранных немецких солдат. Лица худые, замученные; ноги еле двигаются; руки или заложены за согнутую спину, или устало болтаются.

Заслуженный позор немецкой фашистской армии, позор поверженной германской столицы!

С гордостью победителей смотрели советские воины на врагов, сокрушенных в бою, на черную силу фашизма, сломенную и раздавленную нашей доблестной армией. И не было жалости к этим веренищам согбенных вояк в мутно-зеленых мундирах, к дымящимся развалинам вражеской столицы.



Советские танкисты у берлинской колонны победы.

ГИТЛЕРОВСКИЙ СОЛДАТ

Его видела и узнала почти вся Европа.

Он был на Волге и на Северном Кавказе, у Москвы и Ленинграда, прошел по землям Украины и Белоруссии, Эстонии и Молдавии, Литвы и Латвии.

Был ли он рядовым или носил погоны офицера, был ли генералом или адмиралом, на рукаве у него чернела похожая на паука свастика. На ногах кожаные сапоги или кожаные ботинки. Весь он переполнен желанием повелевать людьми, которые не принадлежат к его особой, «чистой» и «сильной» расе.

Его бог — Гитлер. Призвание — война, убийства, грабежи.

Таким воспитал его фашизм, вытравив все чувства, человеческое достоинство.

Где бы он ни появлялся, лилась кровь женщин, стариков, детей, строились виселицы, тюрьмы, невольничьи лагеря.

Это он сжег дворцы Петергофа и Гатчины, превратил в руины Гомель и Минск, Смоленск и Псков и еще тысячи советских городов и сел. Это он бросал в рвы растерзанных советских людей в Краснодаре и Керчи, Киеве и Могилеве, Вильнюсе и Кишиневе. Это он построил газовые печи и крематории в Освенциме и Майданеке, Дахау и Берген-Бельзене, где замучены и сожжены миллионы узников.

Немецкую столицу весной 1945 года защищали вот такие солдаты. Правда, старых, профессиональных гитлеровских головорезов, сокрушивших в свое время Польшу, поставивших на колени Францию, прогнавших с континента английские войска, задавивших Данию, Голландию, Норвегию, Бельгию, Грецию, Югославию, сейчас среди них было не так уж много. Они были побиты советскими воинами в боях 1941—1944 годов. Но места их в немецкой армии заняли братья: фанатики и активисты фашистской партии,

Пленные гитлеровцы. Их тысячи и тысячи — у Бранденбургских ворот,



на Фридрихштрассе...



слушатели военных академий и училищ, специальные отряды СС, моряки, снятые с подводных лодок и крейсеров, полицейские, желторотые выродки из союза гитлеровской молодежи «Гитлерюгенд». На фронте появились десятки формирований фольксштурма, поглотившие почти все мужское население Берлина.

Гитлеровские солдаты в массе своей дрались упорно и злобно.

В городе Мюнхенберге наши части взяли в плен немецкого фельдфебеля, артиллериста. Он воевал в Польше, участвовал в походе на Францию, дошел до стен Москвы. На груди у него были почти все награды гитлеровской Германии. Тут, на подступах к Берлину, он, по его словам, решил или умереть, или победить.

Последний снаряд из орудия он выпустил по цепям своей немецкой пехоты.

— Почему вы стреляли по своим? — спросил его советский офицер.

— Нам было приказано стрелять по тем, кто отступает.

— Но ведь это же были немцы.

— Это были предатели.

Его попросили рассказать биографию. Говорил без заминки и, как показалось мне, гордился тем, что говорил. Родители — владельцы небольшого ресторана. Оба члены национал-социалистической партии Германии. Сам он до войны успел окончить школу, пошел добровольцем в дорожно-строительный батальон, потом служил охранником в тюрьме. В 1938 году стал солдатом.

— Вам были понятны цели походов, в которых вы участвовали?

— Да, я их полностью одобрял.

— И цели войны с Советским Союзом?

Фельдфебель немного помолчал и ответил:

— Нам, немцам, не хватало жизненного пространства, у нас не было своей нефти, своего железа... Если бы война кончилась благополучно для нас, Германия на востоке приобрела бы все это...

— Как вы относились к мирным советским людям?

— Я старался с ними не общаться.

— А не приходилось ли вам убивать или вешать людей в оккупированных городах и селах?

— Я участвовал во всех акциях, которые поручались немецкой армии ее командованием.

— А что это были за акции?

В ответ — молчание.

Фашистский выкормыш боялся сказать правду.

Его не стали неволить и спросили:

— А как вам представляется теперь будущее Германии?

Тут фельдфебель заплакал. Ему дали воды, предложили сигарету. Успокоившись, сказал:

— В войне побеждает какая-то одна сторона. Кажется, победили вы и ваши союзники...

На подступах к Берлину советские войска были контратакованы крупным отрядом немецких моряков. Создалось такое серьезное положение, что командование нашего корпуса было вынуждено направить против моряков танки и реактивную артиллерию. Немцы пошли на танки в психическую атаку. В живых остались единицы.

Один из них передо мной — белокурый верзила с плечами штангиста тяжелого веса. На мундире — Железные кресты всех степеней.

— Вальтер Хельцинер — штурман подводной лодки.

Прощу рассказать, в каких боевых операциях участвовал.

— Бывал у берегов Австралии, — говорит Хельцинер. — Топил англичан у Африки. Ходил в американских водах. Бывал в ваших северных владениях. В октябре 1944 года попал в плен к англичанам. Бежал. В марте этого года получил назначение на новый корабль и готовился к выходу в океан. Не успел. Вы подошли к Берлину. Берлин — мой город, и меня первым из экипажа призвали на защиту столицы. Командовал ротой — и вот, видите, не совсем удачно.

— Вы член гитлеровской партии?

— Весь наш отряд, сформированный из подводников, состоял из членов национал-социалистической партии.

— Этим и объясняется упорство и ожесточение, с которыми дрались моряки?

— Мы хотели показать пример соседям... Кроме того, каждый понимал, что терять ему, собственно, нечего. Гитлер и его строй — для нас жизнь, почести... Без фюрера мы будем второстепенными людьми. Это никому не по душе.

— Невооруженные корабли с пассажирами топили?

— Топили. Такой был приказ — топить любой корабль, если он принадлежит противнику.

— Но ведь за это придется отвечать. Об этом не думали?

— За нас думал фюрер.

«Был приказ», «За нас думал фюрер» — так говорил почти каждый гитлеровец, попав в плен.

Некоторые ругали Гитлера, связывая с ним бедствия, которые обрушились на Германию в конце войны. Были и такие, кто давно понял, что фашизм неминуемо будет разгромлен.

Но почти все продолжали воевать.

В северных районах Берлина наши части взяли в плен подполковника Кауфмана. Он дрался в Испании танкистом, в Польше — артиллеристом, во Францию ходил с танками, на Балканах командовал пехотным батальоном и участвовал в захвате острова Крит в качестве командира парашютного отряда. На востоке Кауфман все время был на центральном участке фронта. После ранения, полученного в боях с белорусскими партизанами, его послали преподавателем в пехотную школу. С курсантами этой школы он и пришел в Берлин.

— Русские стали неузнаваемы, — говорил он нашим офицерам. — Впрочем, мы, немцы, наверно, не понимали вас никогда... Вся Европа выбрасывала перед германской мощью белые флаги. В России я не видел ни одного белого флага. А Сталинград? Казалось, что чаша весов окончательно склонилась в нашу сторону. И вдруг — такой неожиданный конец.

Кажется, типичный военный интеллигент, рассудительный и вообще не глупый человек.

Но вот его спрашивают:

— Почему вы приказали заминировать и взорвать здание, в подвале которого находилось чуть ли не сто раненых солдат и офицеров вашей части?

— Таков был приказ сверху: раненых противнику не оставлять.

— Но это же ваши люди — вы их учили, вместе с ними ходили в бой?

— Приказ есть приказ. Я не мог ослушаться.

В этой же группе военнопленных мое внимание привлек хромой обер-лейтенант, одетый в летную форму.

— Вы летчик?

— Не только летчик — ас, — ответил Герман Мозель.

— Почему таким громким именем называете себя? Ас, по-вашему, выдающийся истребитель?

— Я сбил сорок английских и двадцать шесть американских самолетов...

Переводчик, наш советский майор, тихо заметил:

— Врет, как барон Мюнхгаузен. Вчера он называл более скромные цифры. Сейчас он вам расскажет о своем подвиге, совершенном якобы в прошлом году.

Действительно, Герман Мозель не заставил долго ждать.

— В прошлом году, — говорил он, — я в одну ночь сбил три английских бомбардировщика, а утром Берлин меня и моих товарищей встретил пышной манифестацией...

— А кто сбил вас?

— Увы — ваш, советский летчик. Уверен, что он тоже знаменитый ас.

Шел по развалинам Унтер-ден-Линден с крохотными остатками сводного отряда берлинской полиции генерал-майор Хайнбург. Этот генерал совсем недавно хвастался, что в гитлеровской полиции очень мало деятелей, которым сам Гиммлер доверял так много, как ему. Он «наводил» порядки в Париже, организовывал полицейскую службу в Белграде, а за «заслуги» на востоке отхватил себе на Украине очень богатое поместье.

Хайнбург так нагл, что, попав в плен к нам, немедленно предложил свои услуги советскому командованию. Когда ему сказали, что в его услугах не нуждаются, он ответил:

— Лучше бы мне убежать к англичанам...

Во дворе одного дома советские бойцы обнаружили раненого немецкого генерала. Они его увидели в момент, когда генерал с помощью солдата снимал с себя форменный китель.

В советском госпитале раненый ответил на вопросы нашего офицера.

— Пишите, — заявил он, — фамилия моя Бауэр, звание — генерал-лейтенант, должность — шеф-пилот Гитлера и командир правительственного авиаотряда. У фюрера работал с 1932 года. Возил его, Геринга, Геббельса,

Риббентропа, Муссолини, Антонеску, царя Бориса. Несколько дней назад простился с Гитлером. Он благодарил меня за службу и рекомендовал перелететь на какой-нибудь аэродром, занятый англичанами. Первого мая я пошел в Тиргартен, чтобы дожидаться легкого самолета, но дорогой был ранен в обе ноги и лежал там, где застали меня ваши солдаты.

Исключительно словоохотлив был на допросе командир отряда СС Пауль Хеншель.

— До войны охранял лагерь Моабит. В войну служил во Франции, на Украине, полгода был в Киеве, несколько месяцев во Львове, потом служил в Кракове.

— Советских граждан расстреливали? — спросили Хеншеля.

— Лично не расстреливал.

— А поляков и французов?

— Этих приходилось.

— Где ваша семья?

— Была здесь, в Берлине.

— А сейчас?

— Вчера жена и двое детей отравились.

— А вы почему решили жить?

— Я думал быть еще полезным Германии.

8 МАЯ 1945 ГОДА

В ночь на 8 мая корреспонденты газет и радио были вызваны в Военный Совет фронта.

— Германия разбита, — заявил генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. — Завтра в Берлине будет подписан акт о капитуляции. На эту церемонию каждой газете даются два места — одно для корреспондента, другое — для фото-корреспондента.

Нечего и говорить, как всем хотелось присутствовать при подписании акта о капитуляции фашистской Германии!

— Кто будет от «Правды»?

Рядом сидят Всеволод Вишневский, Борис Горбатов, Мартин Мержанов, Яков Макаренко, Иван Золин, Виктор Темин — все правдисты.

Мержанов говорит:

— Горбатов.

Горбатов говорит:

— Мержанов.

— Кто же будет от «Правды»?

Находим дипломатическую лазейку.

— Горбатов и Вишневский будут от писателей.

Записывают всех.

— «Известия»?

— Леонид Кудреватых, а от писателей Всеволод Иванов и Лев Славин.

— «Красная Звезда»?

— Леонид Высокоостровский.



Советская регулировщица в Берлине.



Жители Берлина читают первый приказ советского коменданта.

— Приезжайте завтра в Берлин все... Устроим. Утро выдалось солнечным и теплым. Берлин перестал дымиться и успел немного почиститься. В парках и скверах появились ребятишки, торговцы открывали лавки. И хотя никто из берлинцев не знал, конечно, какой исторический день наступил, тысячи из них вышли на улицы.

Мы с Л. Высокоостровским в полдень направились на центральный берлинский аэропорт Темпельгоф. В душе — праздник. Не верилось, что наступил наконец-то день, которого так долго ждали.

Война ушла за пределы Берлина. Советские войска достигли берегов Эльбы и тут на широком фронте встретились с американскими и английскими союзниками. Орудия гремели лишь в израненной Чехословакии и в районе так называемого прибалтийского котла, где были окружены нашими частями крупные фашистские силы.

У здания аэропорта стояли десятки машин. Здесь мы увидели генерала армии В. Д. Соколовского, первого коменданта Берлина генерал-полковника Н. Э. Берзарина, члена Военного Совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. Е. Бокова и других представителей советского командова-

— А ты? — толкает Высокоостровский меня. — Ты же ветеран на этом фронте.

Я что-то шепчу ему, он не понимает и произносит мое имя.

— Троянский назначается старшиной советских корреспондентов на завтрашнем мероприятии. Он пойдет сверх нормы, — говорит Телегин.

— Константин Симонов.

— Да, товарищу Симонову надо обязательно посмотреть официальную капитуляцию Германии.

Рядом сидит Кривицкий. Как ему завтра не быть в Берлине? И предлагается кандидатура публициста Александра Кривицкого. Военный Совет не возражает.

На прощание генерал С. Ф. Галаджев говорит:

— Приезжайте завтра в Берлин все... Устроим.



В голодный Берлин пришел поезд с картофелем.

ния, прибывших встретить союзников. Колыхнутся на ветру советские, американские, английские и французские флаги. Блестит на солнце медь оркестра.

И вот над аэродромом один за другим проплывают самолеты. Они летят в сопровождении почетного эскорта советских истребителей. Сделав круг, самолеты приземляются. Из них выходят главный маршал авиации Англии Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Делатр де Тассиньи. И еще генералы и полковники, майоры и лейтенанты. И конечно, корреспонденты. Их значительно больше, чем генералов и офицеров.

Генерал В. Д. Соколовский приветствует союзников и ведет их к автомашинам.

Внимание корреспондентов приковано к последнему самолету. Он доставил представителей гитлеровской Германии, уполномоченных правительством Деница подписать акт безоговорочной капитуляции фашистского государства. Мы видим начальника штаба германского верховного командования генерал-фельдмаршала Кейтеля, адмирала флота Фридебурга и генерал-полковника авиации Штумпфа. Кейтель в длинном плаще. Он вертит головой, протирает платком монокль. Главному военному советнику Гитлера, видимо, не верится, что он в Берлине. И действительно, легко ли поверить тому, что он видит! По бетону аэродрома парадным шагом идут советские солдаты. Справа и слева стоят советские истребители. На куполе здания аэропорта трепещет красный флаг.

— Прошу за мной, генерал-фельдмаршал, — говорит Кейтелю советский генерал, и это выводит немца из оцепенения.

Огромная вереница машин мчится по улицам поверженной немецко-фашистской столицы. На тротуарах еще лежат груды битого кирпича



Очередь у солдатской кухни.



Дом инженерного училища в Карлсхорсте (Берлин), где в ночь на 9 мая была подписана капитуляция Германии

и мусора. Гроздятся развалины самых причудливых форм. Из окон уцелевших домов свисают белые простыни.

Кейтель, конечно, никогда не видел такого Берлина. Он потом скажет, что разрушения немецкой столицы его потрясли.

В это время в Карлсхорсте в одном из корпусов бывшего немецкого военно-инженерного училища спешно готовились к церемонии капитуляции. Были установлены три ряда столов, застеленных мягким сукном, стол для руководителей союзных делегаций. На стене — флаги.

Все скромно, строго.

Но, может быть, как раз в этой простоте, в этой строгости зала и таилось великое значение того, что должно было в нем произойти.

Ровно в 24 часа ночи сюда пришли руководители союзных делегаций. Первым шел Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. У него широкие плечи, гордая осанка, волевое лицо. Англичанин Теддер худощав, моложав, подтянут. Американец Спаатс среднего роста, упитан, почти квадратный. Француз Делатр де Тассиньи сухонький, стройный.

Жуков улыбается. Теддер улыбается. Делатр де Тассиньи улыбается. Безумствуют фотографии и кинооператоры.



Они водрузили Знамя Победы над рейхстагом.



Берлин, 9 мая 1945 года. Фашистское командование подписывает акт о полной и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

Жуков говорит:

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все повернули головы к двери, где должны были появиться немцы. Те, кто развязал войну и доставил миру столько страданий. Те, кто когда-то принимал капитуляцию Франции и хвастался, что разобьют Советский Союз в какие-нибудь полтора-два месяца.

Кейтель выше среднего роста, в парадном кителе. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом, приветствуя победителей. У Штумпфа в глазах злоба и бессилие. Фридебург похож на старика. За спиной представителей фашистского командования как каменные изваяния встали сопровождающие их немецкие офицеры.

Германский фельдмаршал все время смотрит на Жукова. Как будто он увидел человека, который его давно интересовал.

Жуков, обращаясь к немцам, спросил:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Этот же вопрос на английском языке повторил Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушенным голосом ответил Кейтель.

Проверив документ о полномочиях, Г. К. Жуков снова встал и сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Когда Кейтель подписывал документ, лицо его покрылось красными

пятнами. Высокий немецкий офицер, стоящий за спиной фельдмаршала, заплакал.

Подойдя к своему стулу, Кейтель тяжело, устало садится. Потом вытягивает перед собой руки и сжимает кулаки. Лицо похоже на маску.

Жуков говорит:

— Германская делегация может покинуть зал.

От имени советского Верховного Командования Г. К. Жуков поздравляет всех присутствующих с долгожданной победой. В зале сразу стало шумно. Многие утирали глаза — это были слезы радости. Война кончилась!

Жуков пригласил представителей союзников и советских генералов на банкет. А журналисты сели за свои последние военные корреспонденции. Мы с подполковником Л. Высокоостровским диктовали свою статью телеграфистке Наташе Ивановой.

В 4 часа утра Военный Совет фронта пригласил нас разделить с ним праздничную трапезу.

Генерал Телегин поднял рюмку и сказал:

— За победу, товарищи! За мир!

Пожалуй, никакого другого тоста сейчас и не надо было говорить. Разве словами выразишь то, что чувствовало сердце каждого из нас!



Победа!

ПОБЕДИТЕЛИ

24 июня 1945 года столица нашей Родины Москва встречала победителей. Со всех действующих фронтов и флотов прибывало по сводному полку. Советское правительство и Центральный Комитет партии пригласили солдат, матросов, сержантов, старшин, офицеров, генералов и адмиралов на Парад Победы.

Воины ехали от студеной Финляндии и с северных земель Финляндии, из лесов Карелии, из Ростока и Бранденбурга, Берлина и Дрездена, Вены, Праги, Братиславы, Будапешта, Плоешти и Бухареста, Варны и Софии, Белграда и Сараева. Победа застала их в далеких незнакомых землях, куда их забросил воинский и интернациональный долг.

В Москву прибывали герои из героев, самые боевые и смелые, самые бывалые и заслуженные. Те, кого не взяли пули и бомбы Гитлера, кого не



Советские богатыри у рейхстага.

сломили окопные невзгоды и лишения, раны и болезни, вьюги и ливни, кого не останавливали горы и болота, реки и озера, моря и океаны.

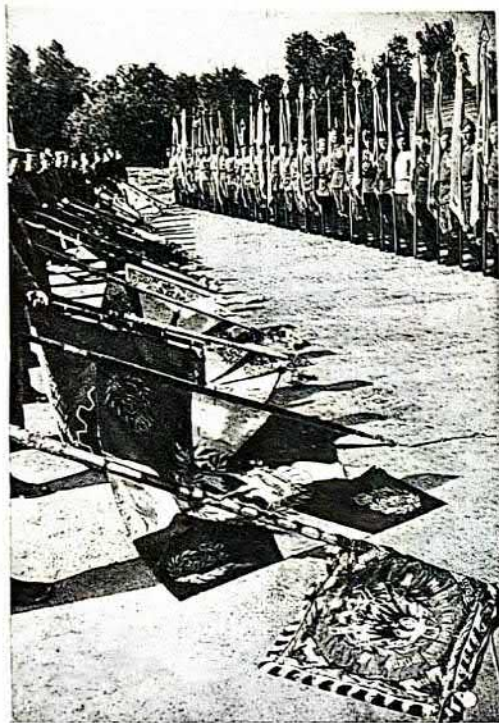
Москвичи только им одним известными путями узнавали адреса и фамилии приехавших. У возглавлявшего сводный полк Первого Белорусского фронта генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Рослого без конца трещал телефон.

— Говорят из Большого театра. Дирекция и коллектив актеров приглашают покорителей Берлина на оперу «Евгений Онегин».

— Вас беспокоит секретарь парткома завода «Серп и Молот». Не можете ли вы прислать Кантария и Егорова на встречу с рабочими предприятия?

— Звонят из девятой школы Бауманского района. Учителя и учащиеся просят приехать полковника Зинченко.

Знатных гостей столицы узнавали по новым мундирам, по обилию боевых орденов и медалей, по braveйшей выправке, по всегда приподнятому настроению.



Знамена поверженных фашистских дивизий.

пала, почему пропала, разве можно, чтобы в таком ответственном бою не было связи?! Наверно, час я кипел, как самовар, и каких только мер не принимал, чтобы восстановить связь... Вражеские снаряды и пули убили и ранили двенадцать связистов. Не вернулись три офицера связи. А там, у рейхстага, — ад. Кто-то высказал предположение, что батальоны разбиты. Потом один разведчик сообщил, что видел, как из подъезда рейхстага вышло триста или четыреста немцев. Затем якобы эти немцы снова вошли в здание... Я ничему этому не верил. Я был убежден, что Неустроев и его бойцы обязательно прорвутся к цели... Был убежден, а у самого сердце — тук, тук! И вот, взяв который раз трубку телефона из рук телефониста, я услышал свой позывной и голос связиста, который шел с батальонами... Конечно, батальоны целы! Конечно, Неустроев недалеко от рейхстага!.. Но поворачиваться пришлось изрядно.

Впервые в Москве я познакомился с полковником Георгием Матвеевичем

Часто вокруг них собирались толпы москвичей прямо на улицах, площадях, в скверах и парках.

Я встретил среди тех, кто приехал на парад, много знакомых.

С полковником Федором Матвеевичем Зинченко, командиром полка из 150-й Идрицкой дивизии, речь, естественно, зашла о боях за рейхстаг. Говорили мы с ним много раз и до этого, но что поделаешь — рейхстаг стал его главным ратным делом за войну!

— Вспомните самый критический момент боя.

Полковник думает, тушит папироску, тут же зажигает другую и говорит:

— Этот момент наступил чуть ли не сразу, как только вы ушли с моего наблюдательного пункта к артиллеристам... Помните, были у меня с членом Военного Совета армии генералом Андреем Ивановичем Литвиновым? Два батальона полка двигались к фашистскому парламенту. И вдруг докладывают: пропала связь. Как про-

Леневым, командиром знаменитого стрелкового полка 5-й ударной армии. Фамилию его я слышал очень часто в штабе Первого Белорусского фронта, в штабе армии. Не один раз этот полк отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего. Во время наступления на Варшаву я три дня искал товарища Ленева, но так и не нашел его. Полковник любил быть там, где решалась судьба боя. А как мог знать посторонний человек, где это решающее место!

В 1944 году полк Ленева первым форсировал Вислу и два дня своими силами удерживал на ней крохотный плацдарм. Шестьдесят восемь контратак немцев отразила часть за эти часы. И удержалась. На плацдарм высадились дивизия, за ней корпус, а потом целая армия.

Торжественный марш победителей.





Парад советских войск в Берлине.

Командование наградило Ленева за бои на Висле орденом Александра Невского.

Полк Ленева одним из первых подошел к Одере и перешел его. Тут было еще труднее и жарче, чем на Висле. Отсюда рукой подать до Берлина, и немцы дрались отчаяннее и свирепей. На батальоны Ленева шли танки, день и ночь самолеты сбрасывали бомбы. Бойцы Ленева устояли и здесь. На плацдарм полка пришла потом дивизия, затем корпус, а за ним целая армия. За умелое руководство боями на Одере Советское правительство присвоило полковнику Леневу звание Героя Советского Союза.

В Берлине Леневу пришлось форсировать Шпрее. Полк перешел ее ночью.

За берлинские бои Ленев был удостоен ордена Суворова 3-й степени.

— А первый свой орден,— рассказывает Ленев,— Красного Знамени я получил за оборону Москвы. Тогда я командовал ротой.

Москва — Берлин — это был путь многих советских воинов. Герой Советского Союза генерал-майор Заикин начал воевать в Подмоскovie, командуя полком. В Берлин он вошел командиром дивизии. У Москвы начал воевать Герой Советского Союза Вениамин Борисович Миронов. Тогда он водил тяжелый танк. Сейчас он командир полка самоходных установок.

Но больше всего, пожалуй, меня обрадовала встреча со старым фронтовым другом майором Федором Петряковым.

— И вы на парад? — удивился я, показывая на его раненую ногу.

— На парад, но зрителем, к сожалению... — ответил Петряков.

Его, оказывается, вызвали из Берлина в Центральный Комитет партии и предложили пойти учиться в Высшую партийную школу.

— Попросил отсрочку на год... Хочу побыть с семьей. Рекомендовали секретарем райкома в родную Саратовскую область...

Во время Парада Победы мы стояли с Петряковым на одной трибуне. Командовал парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Принимал парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Полки воинов-победителей шли по Красной площади, гордые за свои знаменитые фронты, за свою родную, любимую Москву, за свою непобедимую Родину.

СУД НАРОДОВ

Великая Отечественная война закончилась. Прошло несколько месяцев.

Еще во время сражений с разных фронтов шли сообщения о пленении видных гитлеровцев. Советские воины арестовали гроссадмирала Редера и заместителя Геббельса Фриче. Американцы взяли под стражу Геринга, Шахта, заместителя начальника гестапо Кальтенбруннера и начальника штаба верховного командования Германии генерал-фельдмаршала Кейтеля. Англичане арестовали министра иностранных дел Риббентропа, заместителя Гитлера — Гесса и гроссадмирала Деница. Французы взяли в плен дипломата и политика фон Папена и фашистского мракобеса Штрейхера.

Союзные страны договорились о совместном международном суде над главными немецкими военными преступниками. Начало его было назначено на ноябрь 1945 года в городе Нюрнберге.

Группа советских журналистов прибыла в этот немецкий город загодя и, естественно, осмотрела его. Весь центр Нюрнберга — в развалинах. Ни одного целого дома — настоящая каменная пустыня. Но уцелел почему-то огромный, похожий на казарму, серый дворец фашистской партии. Рядом стадион и так называемая «партийная площадь».

Немцы любят подчеркивать, что в Нюрнберге сделаны первые в мире часы, что в его окрестностях построена первая в Германии железная дорога, что в этом городе жил и работал знаменитый художник Дюрер. Все это так. Нюрнберг — действительно старый немецкий город, и далекое прошлое его интересно.

Но у города есть и другое лицо. Нюрнберг наряду с Мюнхеном является родиной немецкого фашизма. Тут пылали первые костры, в которых сжигались книги Шекспира, Гейне, Маркса, Пушкина, Горького. В нем был орга-

Так начался Парад Победы в Москве: фашистские знамена были брошены к подножию Мавзолея.





Нюрнберг, 1946 год. Международный суд над главными фашистскими преступниками. Выступает Главный обвинитель от СССР И. И. Руденко.

низован первый в Германии еврейский погром, послуживший сигналом к уничтожению миллионов евреев. Тут творил свои гнусные дела автор кровавых расистских законов Юлиус Штрейхер.

Фашистский диктатор избрал Нюрнберг местом съездов и митингов нацистской партии, городом парадов своей гвардии. Много лет подряд улицы и площади Нюрнберга по несколько раз в году делались буро-черными от фашистских флагов и свастики, дрожали от топота тысяч солдатских сапог, озарялись кровавым пламенем факелов. Тут очень любил выступать Гитлер. Каждое его слово зловещим эхом прокатывалось по всей Германии.

— Я добьюсь своей цели, даже если для этого потребуется сжечь весь мир! — выкрикивал в Нюрнберге Гитлер в 1937 году.

— Мы станем первой державой мира, — вторил ему на следующий год Герман Геринг. — Слово «немец» мир будет произносить с почетом и страхом. Мы будем господами Вселенной.

За словами, как теперь знает человечество, следовали дела. Правители фашистской Германии начали вторую мировую войну ради того, чтобы навязать миру свое господство.

Вот каков он, Нюрнберг современный. С ним был связан расцвет фашистской империи — так называемого третьего рейха.

И вполне закономерно, что именно в Нюрнберге руководители фашистского государства, нацистской партии, немецкого генерального штаба, все палачи в военных и гражданских мундирах и костюмах должны были держать ответ перед человечеством.

В ноябре 1945 года жители Нюрнберга снова увидели вожakov гитлеризма, кумиров фашистской партии — всех этих герингов, кейтелей, деницев, шахтов. Каждый нацистский преступник ехал в тюремном автомобиле, и каждый такой автомобиль охранялся танками.

Нюрнбергский дворец юстиции. Массивное длинное приземистое здание с большими окнами и тяжелыми колоннами. У парадного входа — две пары часовых. С одной стороны американские солдаты, с другой — советские.

На груди у каждого боевые ордена и медали — знаки ратных подвигов. В руках винтовки с ножевыми штыками.

Не скрою: хотелось скорее увидеть скамьи подсудимых, ставших скамьями позора поверженной Германии.

Общий вид зала международного трибунала в Нюрнберге. Слева — скамьи подсудимых.





Колючая проволока концлагерей, пожары, расстрелы, убийства детей — вот он, «новый

В трудные годы войны никто из советских людей не сомневался, что час возмездия придет. И он настал — этот грозный час. Почти квадратный зал. Под флагами четырех победивших держав на возвышении за длинным столом заняли места судьи — по два от СССР, США, Англии и Франции. Слева от них стояли столы четырех обвинителей. Справа от суда, за стеклянной перегородкой, сидели переводчики. В середине зала, между судьями и обвиняемыми, поместились защитники. Специальные ряды кресел были отведены многочисленным представителям мировой прессы.

У стены, напротив стола трибунала, стояли две длинные скамьи для подсудимых.

Ввели подсудимых. Их было двадцать один — бывших министров и фельдмаршалов, генералов и адмиралов, сподручных Гитлера. Сам Гитлер, давно приговоренный к смерти историей, был уже мертв. Покончили с собой шеф гестапо Гиммлер и министр пропаганды Геббельс. Повесился в тюрьме руководитель невольничьего «трудового фронта» Германии Лей. Крупна, главного оружейника Гитлера, разбил паралич. Скрылся заместитель Гитлера по партии Борман.

Первым в ряду по праву первого преступника сидит Герман Геринг, быв-



порядок», который несли людям фашисты.

ший фельдмаршал бывшей фашистской империи, выбранный в свое время Гитлером в его преемники и потом за бегство из осажденного Берлина лишенный этого выбора. Когда-то его грудь и заплывший живот, увешанные орденами, сравнивали с витриной ювелирного магазина. Сейчас он без орденов и погон. Необыкновенно толстый, с жирными руками и злым лицом, похожим на морду бульдога. Геринг ни на кого не смотрит и только время от времени что-то шепчет соседу — Гессу.

Обвинители перечисляли должности и посты, которые занимал Геринг в фашистской Германии, и преступления перед человечеством, которые совершил он.

Ни внутри самой Германии, ни в оккупированных немцами странах не совершалось буквально ни одного злодеяния, к которому бы не был причастен Герман Геринг.

Звериную ненависть питал Геринг к нашей Советской стране.

«Слово «гуманизм» неприменимо к России, — говорил он. — В России слишком много народу, чтобы жалеть тамошних людей... Надо население России уменьшить на сорок — пятьдесят миллионов, и тогда она будет неопасна для Германии...»

Рядом с Герингом сидел Гесс — один из заместителей Гитлера по партии, бывший первый оратор фашистов. Худой как щепка, желтый, уродливый, он долго притворялся сумасшедшим. С такого меньше спросят, может, простят... Так, очевидно, рассуждал Гесс. Но не так рассудил суд.

— Гесс симулирует сумасшествие, — заявили трибуналу видные психиатры. — Он вполне нормален...

Неестественная бледность покрывала лицо бывшего министра иностранных дел Германии Риббентропа. Он, пожалуй, больше всех был напуган судом и теми документами, которые ярко и прямо подтверждали его преступную деятельность. Он сидел как на иголках, у него пропадал от страха голос.

А ведь в свое время имперский министр иностранных дел говорил басом. Особенно, когда пугал дипломатов других стран самолетами и пушками.

Как загнанный волк сидит первый военный советник Гитлера, бывший генерал-фельдмаршал Кейтель. Он пытается разыграть роль аполитичного солдата.

— Я ничего не делал сам. Я только выполнял приказы Гитлера, — заявил трибуналу Кейтель.

Но документы и свидетели быстро сорвали с него маску. После этого Кейтель предстал перед трибуналом тем, кем был всю свою жизнь — ярым нацистом. Он приказывал расстреливать пленных, по его приказам сжигались целые города и села оккупированных территорий Советского Союза, Польши, Югославии. Он хотел видеть мир колонией Германии, а народы мира — рабами немцев.

Соседом Кейтеля был заместитель Гимmlера Кальтенбруннер. Худой, с лицом Мефистофеля, он никогда не клал руки на барьер. Кальтенбруннер прятал их или в широкие карманы брюк, или совал за сутулую спину. Казалось, что он боялся на руках увидеть кровь. И сколько на них было крови! Только за один 1943 год гестапо казнило около восьмисот тысяч человек.

Взгляд скользит по рядам вчерашних претендентов на мировое господство, устроителей «нового порядка» в Европе. Ни одного нормально-го лица. Злоба и бессилие, наглость и покорность судьбе, как тени мелькают на этих лицах. Глядя на них, не чувствуешь ничего, кроме омерзения.

Вот Розенберг и Франк. Внешне они не похожи друг на друга. У Розенберга седая шевелюра, голова Франка почти гола. Оба закрыли глаза темными очками. Но как они одинаково преданно и ревностно служили фашистской Германии! Служебные посты их родственны. Розенберг был министром по делам восточных оккупированных территорий. Франк руководил генерал-губернаторством в Польше. Франк уничтожил в Польше три миллиона евреев и два миллиона поляков. Из двадцати миллионов погибших советских людей многие миллионы погибли по приговорам Розенберга. Палачи и грабители — они соревновались в жестокости.

Со страхом ждали своей участи министры Гитлера — отъявленные садисты Функ, Шпеер, Штрейхер, Фрик. Особняком держался казначей нацистской Германии, финансовый советник Гитлера Шахт. Он давал деньги

Гитлеру еще тогда, когда тот не был у власти. Гитлер на них покупал оружие, издавал газеты и брошюры, устраивал парады и митинги. Однако вершиной деятельности Шахта надо считать годы министерства в кабинете Гитлера. Тут он бил рекорды изобретательности и грабежа. Грабил Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, Норвегию, Югославию, Венгрию, Румынию, Грецию, Советский Союз, добывая деньги для победоносной войны. Сейчас он как-то сжался, ушел в себя, вроде не хочет, чтобы его заметили. А вот розовощекий, самый молодой из подсудимых Бальдур фон Ширах — «вождь» гитлеровской молодежи, воспитавший целое поколение юных бандитов и убийц. Ему принадлежит известная в фашистской Германии фраза: «Немец тверд даже при виде крови».

На второй скамье восседали морские фашистские пираты гроссадмиралы Редер и Дениц. Они, как и Кейтель и Иодль, всю свою жизнь посвятили войне за интересы Германии. Они водили по морям и океанам подводные лодки еще в войну 1914—1918 годов, намереваясь утопить в морских пучинах весь мир. В эту войну они вывели на бой свой флот вторично. Геринг орудовал в воздухе, Кейтель и Иодль на суше, Редер и Дениц — на воде. Эти пятеро — военный мозг Гитлера.

Лысый и жирный Заукель ежился от того, что его ждало. Он был убежден, что ему не будет пощады. Несколько лет подряд этот фашистский деятель был уполномоченным по рабочей силе. Это он, Заукель, ловил на базарах и в кино, на пляжах и в церквях польских, русских, украинских, чешских, югославских, белорусских девушек и юношей, запирали их в вагоны для скота и гнал в Германию. Гнал сотнями тысяч, миллионами. Морил их голодом, истязал, заражал страшными болезнями, расстреливал, вешал, сжигал в лагерных печах.

Тихо сидели Нейрат и Папен, много сделавшие для прихода к власти Гитлера и его партии. Нейрат одно время губернаторствовал в Праге. Папен руководил захватом Австрии, а потом учил гитлеровских дипломатов-шпионов.

Скамью подсудимых замыкали палач Голландии Зейсс-Инкварт и гитлеровский радиокомментатор Фриче.

Одновременно трибунал судил германское правительство, фашистскую партию, гестапо, верховное командование, генеральный штаб и другие нацистские организации.

Процесс длился почти год, терпеливо распутывая клубок преступлений фашистской Германии и каждого подсудимого в отдельности. Сотни томов документов, сотни свидетелей, очные ставки, неоднократные допросы фашистских сановников ярко, крупно, доказательно нарисовали страшную картину нацистского заговора против мира, против целых народов, против всего человечества. Главная цель империи — война. Главная цель войны — ликвидация Польши, Чехословакии, Советского Союза, сокрушение Англии, США. Другая цель войны — физическое истребление славян, превращение других наций в немецких рабов.

30 сентября и 1 октября 1946 года приговор международного трибунала был оглашен. Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Иодль, Зейсс-Инкварт и Борман (заочно) были приговорены к смертной казни через повешение. Гесс, Функ

и Редер приговаривались к пожизненному тюремному заключению. Ширах и Шпеер получили по двадцать пять лет тюрьмы каждый, Нейрат — пятнадцать лет, Дениц — десять лет тюрьмы. Шахт, фон Папен и Фриче были оправданы.

В решении было сказано, что члены трибунала от СССР не согласны с оправданием Шахта, фон Папена и Фриче и требуют смертной казни для Гесса.

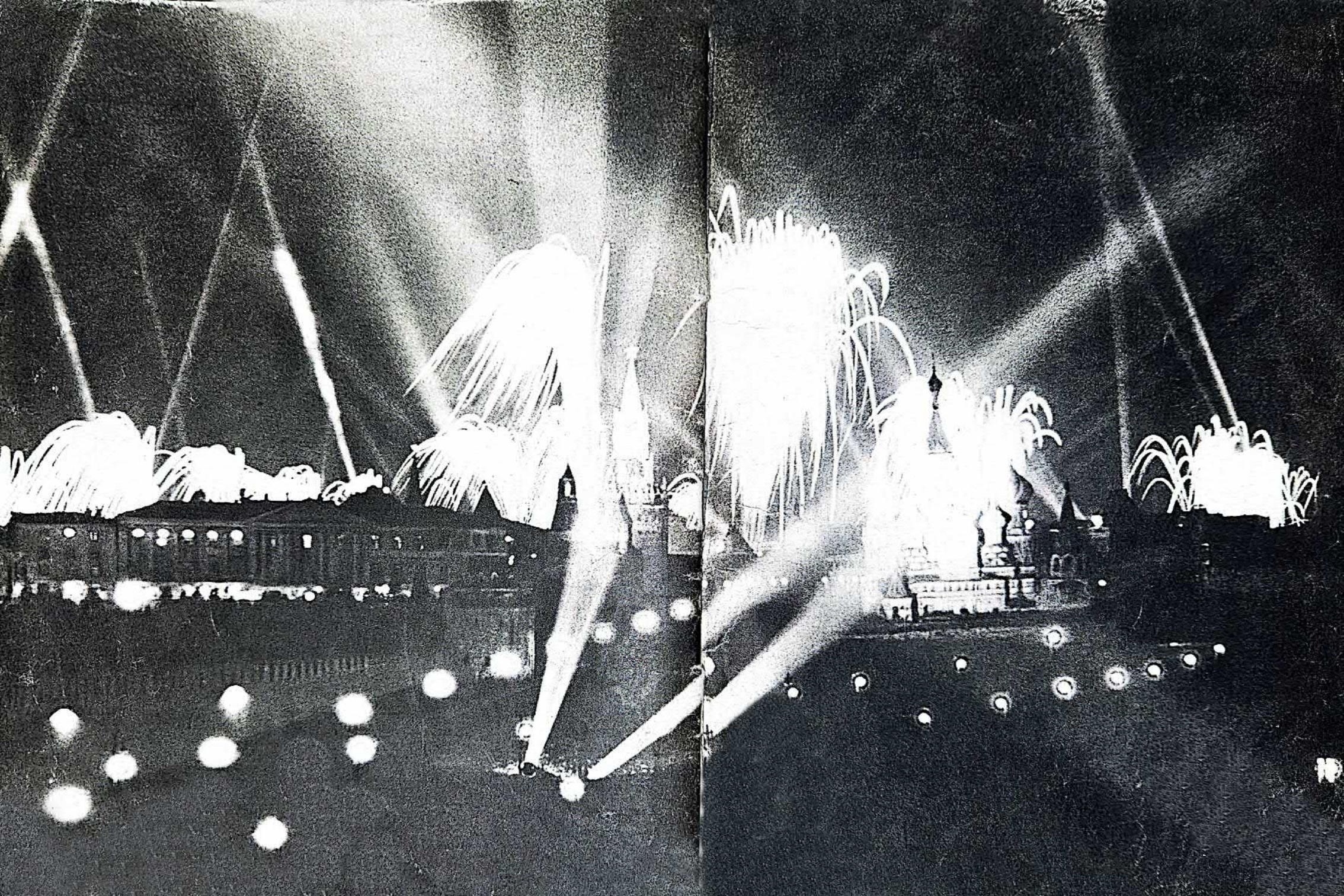
Через несколько дней мир узнал, что приговор трибунала в Нюрнберге приведен в исполнение. Тела казненных преступников были сожжены, пепел развеян.

Радостно и торжественно встречали советские люди воинов-победителей.



* * *

ДАВНО ОТГРЕМЕЛИ БОИ,
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ
ПРОШЛО С ТЕХ ПОР,
КАК
КАПИТУЛИРОВАЛА
ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ.
НО НИКОГДА,
ВО ВЕКИ ВЕКОВ
НЕ ЗАБУДУТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ
ГРОЗНЫЕ ДНИ ВОИНЫ,
ПОДВИГОВ
СВОИХ БОГАТЫРЕЙ,
ОТСТОЯВШИХ СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ
НАШЕЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РОДИНЫ.



ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	2
Удар на Одере	3
Эхо в Берлине	12
Зееловские высоты	15
В штабе Первого Белорусского фронта	20
Огонь войны	26
В имперской канцелярии	33
Знамя Победы	39
События двух суток	45
Гитлеровский солдат	52
8 мая 1945 года	56
Победители	62
Суд народов	67

Оформление В. Терещенко

Для среднего возраста

Трояновский Павел Иванович

ШТУРМ БЕРЛИНА

Ответственный редактор А. И. Моисеева. Художественный редактор Л. Д. Бирюков.
Технические редакторы Е. М. Захарова и Р. М. Крайцова.
Корректоры Е. Б. Кабружигис и Л. М. Короткина.
Сдано в набор 10/VII-1970 г. Подписано к печати 26/XI-1970 г. Формат 60×90 мм, 10 печ. л.
(9,15 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. А 11601. Цена 38 коп. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Набрано на фотоаппарате «КФА» в Экспериментальной
типографии ВНИИКИП. Москва, Цветной бульвар, 30.
Отпечатано ордена Трудового Красного Знамени фабрикой «Детская книга»
№ 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР,
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 937.



Цена 38 коп.

